

[Polaris]

ДИР ТУМАННЫЙ

ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО

Советская авантюрно — фантастическая проза
1920 — х гг.

Том XXIII

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCXXXI

Salamandra P.V.V.

Дир
ТУМАННЫЙ

ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО

Приключенческие
повести

Советская авантюрно-фантастическая
проза 1920-х гг. Том XXIII

Salamandra P.V.V.

Туманный Дир (Панов Н. Н.)

Черное золото: Приключенческие повести (Советская авантюрно-фантастическая проза 1920-х гг. Т. XXIII). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2017. – 128 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ССXXXI).

В книгу поэта и прозаика Дира Туманного (Н. Панова) вошли написанные в середине 1920-х годов агитационно-приключенческие повести «Черное золото» и «Американские фашисты». В книгу также включена «поэма приключений» «Человек в зеленом шарфе».

ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО

Повесть

А. А. МАНН

ЦЕРЬКО ЗОЛОТ

ПОВЕСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ» ЛЕНИНГРАД

Часть первая

ТАЙНА УМЕРШЕГО

1. Забойщик Петр Жарков

Забойщик Петр Жарков просверлил последнюю, четвертую дыру и выпрямился, не выпуская из рук тяжелого перфоратора. Над самой его головой навис потолок узкого забоя, подпираемый двумя толстыми кривыми бревнами. С трех сторон забой замыкали корявые, закопченные стены угольного пласта. Четвертой стены не было. Вместо нее забой переходил в узкое многоугольное отверстие — выход в откаточной штрек. Из тьмы слабо поблескивал белый металл рельс дороги для откатки угля.

Рабочий, забивавший патроны, тронул Жаркова за руку. Заряд был готов. Таща за собой инструменты, оба выползли в коридор к темному аппарату, соединяющему в себе запальные шнуры. Это была маленькая электромашина. Запальщик надавил кнопку, и штрек вздрогнул от короткого, гулкого удара.

Помогая откатчикам погрузить в вагонетки несколько десятков пудов выбитого взрывом угля, Жарков с неодобрением рассматривал место своей многонедельной работы.

Труд забойщика не был для Жаркова чем-то неприятным и принудительным. Уже два года узкие, молчаливые переходы шахт встречали его маленькую, коренастую фигурку, быстро шагающую на свой незаметный подвиг. Наоборот: работа эта не только не тяготила его, но даже нравилась Жаркову. Недаром из-за нее он отказался от многих других мест, которые ему предлагали после демобилизации.

Часто вечером, чисто вымывшись в шахтерском баке и пообедав в рабочей столовой, он шел в нарядный, ярко освещенный клуб, построенный среди шахтерского поселка. Он усаживался на мягкое кресло в читальне и погружался в свежие номера газет. Ого! Новый торговый договор с Америкой. Правильно! Мы вам покажем, как пролетариат восстанавливает свое хозяйство! Машиностроительный завод «Ильич» выпустил 10 новых тракторов к восьмой

годовщине Октябрьской Революции! Паровоз советского производства взял первый приз на Международной выставке! Мануфактурная фабрика... Жарков медленно читал все новые и новые заметки в такой дорогой и нужной ему газете. Он чувствовал себя строителем новой жизни. Он закрывал глаза и видел огромные, четко работающие фабрики, черные паровозы, влекущие за собой цепи вагонов, ярко освещенные улицы бурно живущих и работающих городов.

Что приводит в движение эти поезда и тракторы, эти заводы, освещает эти города? — Уголь! А кто добывает этот уголь? — Десятки тысяч Жарковых, скромных и незаметных, сильных и упорных.

Нет! Жарков сознавал важность выполняемого им дела. Он любил это дело.

Но теперь это дело находилось в несколько особом положении. Разработка «Южное», крайний участок угольных пластов подмосковного района, та самая разработка, в которой Жарков работал сейчас, не годилась ни к черту. Что из того, что угольные наложения здесь довольно мощны! Но ведь самый-то уголь в них исключительно низкого качества. Это дряблые куски!.. Жарков пнул ногой ближайший осколок, и он, прокатившись с полшага, рассыпался на много кусков.

Давно пора развязаться с этой шахтой. Нашлась же компания англичан, которая хочет взять участок в концессию! Англичане уже второй месяц живут здесь. Правда, даже при всей малоодоходности шахт — двух разрушенных и одной разрабатываемой — они дают слишком маленькую откупную цену. Наш представитель ждет. А несчастья с рабочими продолжаются. Нет! Общему собранию шахтеров давно пора вынести решение по этому вопросу...

Продолжая думать, шахтер успел укрепить подпорками выдолбленную часть забоя. Стук колес уезжающих тележек еще не замолк вдали, а Жарков опять, приставив инструмент к глухой части стены и отбросив все мысли и опасения, повел новую упорную борьбу с нависшими, готовыми

ми ежеминутно обрушиться сводами своей коричневой пещеры.

2. Катастрофа

— А... а... помогите... а...

Жарков сразу выпрямился и замер.

Да, это так. Взрыв справа показался ему очень странным.

Товарищ Жаркова по работе тоже слышал странный гул. Может быть, несчастье. Мало ли, что бывает. Этот рыхлый уголь обваливается то и дело. Вот...

— Помогите... По-о...

Жарков отшвырнул с дороги кусок угля, сорвал со стены лампочку и, согнувшись почти пополам, быстро выскользнул в мокрую мглу откаточного штрека.

Низкий проход, укрепленный соединяющимися наверху толстыми балками, освещался слабым блеском небольшой электрической лампочки, выступающей сбоку. Высокая сетчатая лампа Жаркова, облепленная пылью и копотью, рванулась назад и резко закачалась под ударами острого сквозняка. Разгоряченное в работе тело охватило дрожью. Жарков бросился вправо.

Крик о помощи — привычная вещь под землей. Каждый знает, что нужно делать в эту минуту. Справа от бегущего, из темной дыры бокового забоя, вынырнула смутная тень с лампочкой у пояса и побежала рядом с ним. Впереди уже мерцало несколько красных огней. Жарков добежал.

Вместо широкого, ровного жерла забоя в коридор показало спускалась гора бурых обломков. Большие куски остроконечного угля четко выступали над блестящими рельсами. И из-под этой горы слышались тихий хрип и стоны раздавленного человека.

Не прошло и минуты, как работа, сначала неровная и беспорядочная, приняла строго организованный вид. Первые пласты разгребли кирками и лопатами. Затем в дело вступили руки. Отверстие пещеры медленно пустело, обнажая свою черную кровожадную пасть.

Жарков, нагнувшийся над тающей грудой, вздрогнул. Его рука наткнулась на что-то теплое. Он продолжал работу. Одно слово — и все пятеро спасителей начали отрывать найденное тело.

В дрожащем, прыгающем свете лампочек странно белела обнаженная спина человека с лохмотьями разорванной рубахи по бокам. Из-под отгребаемого сора блеснула черная, еще не успевшая просохнуть от пота шея. Высвободили голову, а затем весь человек был разом приподнят и на руках вынесен в главный коридор.

Жарков отлично знал того, кто теперь лежал у его ног, неподвижный и умирающий. Проклятая шахта! Этот человек жил с ним в одном доме. Что из того, что они не были особенно дружны? Из долговязого Бабина иногда было трудно часами вытащить слово. Часто он надолго уходил, мрачный и замкнутый, на край села к лавочнице Марье Филиной. Ну, что же из этого? У каждого свои вкусы. Но ведь он — человек, с которым Жарков прожил два года. Проклятая, ненавистная шахта!

Грохоча по рельсам, к забою подъезжала электрическая вагонетка. Тело бережно уложили на подстилку из двух досок, покрытых куртками окружающих. Тележка медленно покатилась к центральной подъемной клетки. Жарков сел сбоку, бережно поддерживая разбитую голову товарища.

3. Запомни и передай

Единственная комната Жаркова и его сожителя имела в тот день довольно необычный вид. Чуть не пол-поселка

перебывало за день у кровати раздавленного. Шахтеры входили, неуклюже топтались у порога, тискали и трепали в руках свои старые, измятые кепки и обменивались сочувственными словами с Жарковым, сидевшим у изголовья больного. Сам больной только через много времени после доставки пришел в себя. Он был в возбужденном, лихорадочном полубреду. Стараясь силой соскочить с постели, он быстро бормотал странные, бессвязные фразы. Чаще всего упоминалось имя какой-то Маши, которую Бабин умолял привести к нему. Все шахтеры знали эту Машу — еще довольно молодую, дородную хозяйку мелочной лавочки в конце поселка, у которой Бабин, бывало, проводил целые часы после работы. Но привести к больному Машу не удалось. Когда к лавочнице отправилась делегация из трех рабочих, ее нашли в постели, жалобно стонущую и дрожащую под грузом нескольких одеял. У нее был жестокий припадок местной злокачественной малярии. Решили не тревожить бедную бабу рассказом о несчастье. Да едва ли она и поняла бы в эту минуту что-нибудь.

К вечеру к Бабину снова пришел доктор. Он вошел, высокий и худой, в белом халате под широким пальто, с отвисшими белокурыми усами на худом сжатом лице. По комнате разлился резкий больничный запах. Обложившись белыми столбиками бинтов, блестящими инструментами и склянками, доктор долго мял и исследовал захлороформированное тело.

— Доктор, он выживет?

Жарков сменил свою закоптелую прозодежду на обыкновенный костюм и чисто отмыл лицо и загорелые руки. Его серые глаза под светлыми безволосыми бровями вопросительно смотрели на утрюмого доктора, закончившего последнюю перевязку и быстро собирающего свои инструменты. Доктор натянул пальто и подошел к двери.

— Товарищ, у него смята грудная клетка и переломлены обе ноги... Может быть, при известном уходе... Трудно решить. Положение опасное. Продолжайте поступать так, как я предписал...

Жарков остался один у постели бесчувственного товарища.

Он тихо присел на край стула и облокотился на стол. За окном серела дорога и желтел склон неглубокого глинистого оврага. За оврагом были видны широкие здания надшахтных построек, вышка подъемной клетки, сортировочное отделение, дом рудничного начальства и конторских служащих. Над зданием ширилось черное облако тяжело-го фабричного дыма. Дальше, за деревьями, выступала плоская крыша дома английской делегации. Делегации, которая хочет сделаться владельцем всех этих шахт и построек!

Легкий шорох сзади вывел его из задумчивости. Вся комната была наполнена рыжим туманом быстро густеющих сумерек. Жарков повернул штепсель, и сумрак резко метнулся в стороны, разорванный блеском шестидесятисвечной лампы.

Бабин очнулся. Он почти сбросил себя стеганое яркое одеяло и приподнялся на локтях. Его желтое, длинное лицо с горящими глазами, полузакрытыми свежим бинтом, было обращено к окну. Жаркова удивил тихий, почти спокойный голос, которым заговорил больной.

— Она не пришла?

Жарков отрицательно покачал головой.

— Жарков, я умираю. Кончено. Уголь слопал меня. Нет, не говори ничего. Время не ждет. Я должен рассказать. Я изменник. Меня прельстили золотом, деньгами... Много денег. Черное золото в обмен на деньги. Теперь все равно. Она поймет. Слушай!

— Ваня, успокойся. Ляг! — Жарков, думая, что больной продолжает бредить, пытался снова уложить его. Бабин резко освободился, его лицо передернулось от острой боли. Он снова заговорил хриплым, надорванным голосом:

— Жарков, я не брежу. Ты запомни, что я тебе скажу и передай им... План у нее, у Маши... Условие тоже. Она отдаст, она не виновата. Помните, она не виновата... Садись же, Жарков!

Холодные пальцы лежащего цепко сжали руку присевшего на край кровати. Ярко-белый свет обливал две придви-

нувшиеся друг к другу фигуры. А на оба окна комнаты навалился снаружи безглазый серый мрак, как бы стараясь припасть еще ближе — подслушать последнюю тайну умирающего человека.

4. Выстрел из мрака

— Ты еще колодой шахтер, Жарков, любитель, можно сказать. А я ведь здесь двадцать лет трублю. Пятнадцатилетним парнем начал. Можно было устать. Ты это запомни, если меня там в чем обвинять будут...

То, о чем я говорю, было лет шесть тому назад. Смекаешь? Белых только что отбросили. Шахты наши. Нагнали рабочих. Тут и я был как раз. Разруха, голод, 100 % выработки. Ты то, конечно, помнишь это время.

Нужно тебе сказать, что хоть мы и получили обратно уголь, но в таком виде, что лучше бы и не получать. Подъемные клетки взорваны, шахты залиты, инструментов нет.

Да это все еще ничего было. А вот, когда взрывчатый газ в шахтах появился, совсем плохо дело стало.

С того и качалось. Предохранительные насосы не работают, вентиляция скверная. Знаешь, говорят, что на людях и смерть красна. Но в темноте, под землей... Однако, решили работать. Срочное задание, — авось, как-нибудь выполним!

Ладно. Работали день, два. Полсотни нас было. Руководитель — спец один, инженер Мирцев. Только видим, на третий день уж очень голубоваты стали наши лампы. Мирцев в это время еще не вышел на работы.

Помню я, очень нам тогда не понравился этот голубоватый свет. Ты знаешь — пока лампа светится красно-желтым небольшим пламенем — все хорошо, работай, сколько влезет. Начнет вытягиваться, да голубеть — дело плохо, значит, газа много в воздухе. Решили меня к инженеру за со-

ветом направить. Работали мы тогда в самой нижней галерее. Поднимались по запасной лестнице, — подъемная клеть не работала. Лестница темная, скользкая, винтом идет. Лампа дрожит, мигает, путается в руках. Только что подхожу к верхнему пробному коридору, окликают меня. Смотрю, — в глубине Мирцев стоит. В руках тоже лампочка, — странный такой, возбужденный. «В чем дело, — говорит, — товарищ?» Я шагнул к нему в коридор.

Тут-то и случилось самое несчастье. Все-таки газа было, наверное, даже больше, чем мы думали... Взрыв был такой, такой взрыв! Как будто вся земля обрушилась! Меня вроде как целой горой по спине ударило. Потом оказалось, — просто ветром отшвырнуло на несколько шагов.

Очнулся в темноте. Мокрый весь, руки ломит, тихо. Была не была — чиркнул спичку. Черная пещера, со всех сторон стены. Рядом кто-то с земли приподнимается. Мирцев!

Ты, может быть, слышал рассказ о смерти 45 шахтеров? Взрывом их убило. А у самого выхода нашли 46-го живого. Рядом со мной и инженер лежал, мертвый. Через шесть дней ведь нас откопали. А теперь слушай самое главное.

Видишь ли, когда инженер окликнул меня, он, конечно, не хотел ничего рассказывать. Это уже потом, когда мы рядом умирали, я все узнал — то, о чем я должен рассказать. Мирцев...

Сухой треск выстрела, покрывший звон разбитого стекла, заставил Жаркова разом вскочить на ноги. Он увидел худую, бледную руку с коротким, блестящим дулом в кулаке, исчезающую в лучистой черной звезде разбитого оконного стекла. Послышался быстрый шорох ног убегающего человека. Жарков распахнул окно. В свете дальнего фонаря мелькнула серая, высокая тень стрелявшего. Жарков обернулся.

Человек на постели лежал в свободной позе отдыхающего, откинувшись забинтованной головой на широкую подушку. Когда Жарков подошел ближе, он увидел ярко-красное пятно, медленно расплывающееся на белом полотне ночной рубашки. Человек в постели был мертв.

5. Кто убийца?

И сам Жарков, и сбежавшиеся на выстрел соседи, и прибывшая несколькими минутами позже милиция не слишком много помогли расследованию таинственного убийства. После рассказа Жаркова решили одно: кто-то хотел заставить Бабина замолчать на самом интересном месте его рассказа. Но, с другой стороны, кому было интересно следить за бедным умирающим шахтером? Под окном нашли следы двух огромных и, очевидно, сильно потрепанных сапог. Следы эти шли по сырой дороге и исчезали в густой тропе, по направлению к лесу. Может быть, кто-нибудь из прежних врагов убитого? Все знали, что многие завидовали Бабину за его слишком близкое знакомство со смазливой лавочницей, жившей за околицей Черного поселка. У убитого часто бывали бурные столкновения со многими менее удачливыми ухаживателями Маши. Но перебранка и драка одно, а убийство, особенно убийство умирающего, это — совершенно другое. Было невероятно, чтобы кто-нибудь из ребят решился на такое никчемное кровавое дело.

Но еще невероятнее было то, что упорно утверждал взволнованный и необыкновенно разговорчивый в эту ночь Жарков.

У Жаркова, убежденного члена РКП, был какой-то болезненный нюх на всякого рода преступления. Уже во время гражданской войны этот нюх помог ему совершенно случайно распутать одно темное и необыкновенное дело организации эстонских шпионов. Его работа шахтера не притупила в нем этого нюха. Он даже ошибочно предполагал во всех таинственных событиях руку, враждебную Советской власти. У умершего была какая-то тайна. Здесь был замешан спец-интеллигент. Какая тайна? Кто мог хотеть, чтобы эта тайна осталась невыговоренной? Что бормотал умирающий о золоте и о богатой жизни? Нужно расследовать это дело! На все предположения товарищей, что больной про-

сто бредил, Жарков отвечал упрямым покачиванием головы.

Соседи уже давно разошлись по домам, убитого отправили в мертвецкую, а Жарков все еще сидел, не раздеваясь, на кровати в своей комнате с черным разбитым окном. Он не мог заснуть. Этот мрак, напирющий со всех сторон, казался ему не только простым мраком. Это та тьма злобы, невежества и предательства, которые отовсюду окружают молодую, горящую ярким пламенем коммунизма страну. Со всех сторон тянутся цепкие щупальца капитализма, наружно мирного, но внутренне всегда жаждущего примять и загасить этот яркий свет. Жаркову казалось, что он видит бесформенные черные лица и руки чудовищ, прижавшихся к стеклам и готовых броситься на него.

А может быть, это просто его разгоряченное воображение? Нет никаких тайн и секретных организаций? Есть просто горячечный бред умирающего и поздняя месть какому-нибудь обманутого бродяги?

К утру Жарков решил. Убитый имел тесную связь с Марьей-лавочницей. Он говорил, что она знает что-то относящееся к его тайне. У нее есть какой-то документ. Он пойдет и выяснит все, хотя бы его подняли на смех все товарищи и сама Маша. Жарков накинул кожаную куртку, надвинул фуражку на глаза и вышел из своего печального опустелого жилья.

Осеннее, мутно-серое небо только что слегка порозовело со стороны восходящего солнца. Между двумя рядами низеньких, пропитанных угольной пылью домиков с железными, покрытыми тем же угольным налетом зелеными крышами расстилалась ровная, немощеная улица. Кое-где чинно топтались куры и слабо рывкали полусонные собаки. Двери некоторых изб были открыты. На порогах показывались хозяева — степенные забойщики, откатчики и землекопы — товарищи Жаркова по подземной работе. Поселок медленно просыпался.

Вот и конец поселка. Желто-серая вытоптанная лощина, покато спускающаяся к речке. Жарков ускорил шаг. Вот и дом лавочницы — продолговатый, прочный сруб с

четырьмя большими окнами на двор и полустертой вывеской над ними. Жарков тихонько стукнул в завешенное тряпкой окно.

Ни звука. Он подождал несколько минут и, поднявшись на крыльцо, немного сильнее постучался в дверь. После второго удара кулаком дверь немного подалась внутрь. Странно, лавочница всегда запирает ее на ночь. Может быть, она уже ушла? Но еще вчера она не могла даже встать, чтобы повидаться с умирающим Бабиным. Жарков толкнул дверь и вошел в темные, душные сени.

Вторая дверь также открылась без всякого усилия.

Большая комната с высокой русской печью сбоку имела самый будничный вид. Жарков громко крикнул. Никакого ответа. Кровать Маши стояла за деревянной перегородкой. Жарков осторожно заглянул туда. И в тот же момент со слабым криком отшатнулся назад.

Поперек смятой, окровавленной постели с упавшими на пол одеялами лежала, запрокинув назад голову, полуголая

женщина. Вдоль обнаженной шеи шел запекшийся черный шрам, очевидно, сделанный ножом. Немного подальше, на полу, валялась грудя всякого тряпья и зиял пустой внутренностью желтый, окованный жестью сундучок, всегда находившийся под кроватью зарезанной лавочницы.

Часть вторая

ПО СЛЕДАМ ЧЕРНОГО ЗОЛОТА

1. После работы

В круглой, залитой электричеством пещере со стенами и потолком, крытыми толстыми матово-черными бревнами, с проводами вдоль стен и разбросанными всюду частями машин и свертками каната, столпилась партия измученных сутулых людей. Все — начиная с их покрытой густой серой грязью одежды и кончая лицами — мрачными от покрывающей их сажи — показывало, что люди эти только что возвращаются с работы. Черная пещера была центральным залом шахты — залом подъемной клетки и запасных лестниц.

Время от времени раздавался сигнальный удар, и сверху с грохотом спускалась клеть подъемной машины, наполненная рабочими вечерней смены. Ждущие внизу входили внутрь, снова грохотал удар сигнала, и черная клетка взвивалась в темноту бесконечного подъемного штрека.

Жарков вошел в клеть предпоследним. Он едва успел протиснуться в плотную кучку вошедших раньше, как электрический свет внезапно упал и затерялся во мраке. Клеть начала подниматься.

Это было похоже на положение прохожих, столпившихся в ливень под тонким, но крепким навесом. Со всех сторон в бока и крышу клетки ударялась вода, вытекающая из боковых стен шахты. Вода не проникала в клеть. Но Жарков невольно вспомнил рассказы товарищей о прежних годах работы и свои собственные путешествия по крутой запасной лестнице под проливным дождем, падающим сверху. Ведь два года тому назад подъемная машина почти не принимала людей — так часто происходили несчастия! Да, положение нашей техники сильно улучшилось за эти два года.

— Жарков, слышал, англичане снова вернулись в поселок?

— Вернулись? А разве они уезжали?

Жарков ничего не слышал об этом происшествии.

— Ну, конечно же! Их дней пять не было здесь. Они уехали за день до смерти Бабина. Говорят, с московским представительством советовались. Давно пора подписать...

Жарков не разобрал конца фразы. Клеть вынырнула и остановилась в свете верхнего помещения. Рабочие шумной толпой выходили в надшахтерный зал. Быстро проходили в соседний зал с рядами медных кранов над каменным полом и высокими деревянными шкафчиками, по шкафчику у каждого крана. Сбрасывая грязную прозодежду, каждый обмывался под краном. Затем открывали шкафчики и, вытащив оттуда свои надземные костюмы, забирали в них прозодежду.

В этой комнате исчезали угрюмые черные люди подземелья. Вместо них на улицу выходили обыкновенные рабочие. Только слишком морщинистые и серые лица да необычная сутуловатость отличала их от рабочих других производств.

Подставляя спину под струю прохладной воды, Жарков глубоко задумался. Со времени таинственных происшествий, участником которых он был, прошло уже пять дней. И жители, и даже милиция давно успокоились и почти забыли два убийства, так быстро последовавшие друг за другом. Убийство лавочницы только подтвердило догадку о том, что здесь была замешана ревность. Через два дня с соседнего рудника сообщили об аресте мертвецки пьяного бродяги, бормотавшего странные слова об убийстве, о женщине, о своем враге. У бродяги были все признаки отравления самогоном. Он был отправлен в ближайшую больницу и умер, не приходя в сознание.

Этого человека видели в день убийства многие жители Черного поселка. Разрешив таким образом секрет двух трупов, все успокоилось. Только Жарков не мог примириться с таким решением вопроса, вспоминая последние слова убитого товарища. Продолжая раздумывать, Жарков оделся и вышел на улицу.

В этот день предстояло получение зарплаты. Перебрасываясь шутками и обгоняя друг друга, шахтеры шли к каменному особняку — зданию рудничной конторы.

Так же весело устанавливали живую, быстро тающую у дверей очередь. И чинно входили в разгороженную высокой решеткой комнату с длинными скамейками по эту сторону решетки.

За желтой с полукруглыми окошечками оградой шла оживленная работа. «Лига времени» не даром посылала сюда своих лучших работников-инструкторов. Конторщики не теряли ни одной секунды. Быстро подсовывали ведомость каждому подходящему, отмечали в трудовой книжке, выдавали чек... Следующий!

За столом кассира работал высокий человек с костлявой фигурой и бледным, слегка припухлым лицом. Его белые пальцы быстро и точно перебегали от бумаг к деньгам, от денег к бумагам. Дело привычное. Бесцветные, скучающие глаза кассира почти не следили за движениями пальцев. Рука человека за перегородкой как будто жила отдельной, самостоятельной жизнью.

Эта бегающая по столу и перебирающая бумаги рука особенно привлекла внимание Жаркова. Где он видел такие бескровные, худые пальцы, такую длинную, жилистую кисть? Почему она так заинтересовала его? Этот свежий порез выше большого пальца! Где он видел эту руку?

Перед Жарковым стояло двое рабочих, затеявших с кассиром спор. Они стали доказывать неправильность вычисленной им суммы. Серая фигура кассира скучающе качнулась со стула и пошла к несгораемому шкафу. Пусть товарищи подождут, он сейчас докажет товарищам! Худая, немного согнутая спина резко выступила на темной окраске шкафа. И вдруг Жарков чуть не закричал от яркого, как электрическая вспышка, воспоминания.

Эта спина — он видел ее убегающей в свете бледного фонаря, эта спина убийцы Бабина, а худая, белая рука? Разве не эта кисть просунулась в разбитое окно, нажимая черную собачку револьвера?

Так вот где разгадка! Помощник кассира — убийца умирающего шахтера! Крикнуть, позвать милицию? Но доказательства? Жарков напрасно старался сдержать нервную дрожь засунутых в карманы пальцев.

Кассир отпустил последнего спорщика и внимательно посмотрел на Жаркова. На лице — полное спокойствие и равнодушие.

Разве может убить такой человек? Дрожащие пальцы Жаркова протянули в окошечко узкую полоску расписки и белая бесстрастная рука спокойно приняла этот листок.

3. Путешествие клочка бумаги

Контора закрывалась. Выданы последние деньги, счета погашены, ведомости закончены... Служащие уже расходились. Кассир запер шкаф, аккуратно сложив туда все бумаги и деньги. Медленно пройдя в переднюю, он взял у сторожа пальто, шляпу и трость и вышел на грязную, сумрачную улицу.

Какой-то человек быстро прошел мимо, и, почти столкнувшись с кассиром, завернул за угол одной избушки. А, опять тот самый шахтер! Кассиру стало неприятно, и по спине пробежал легкий холодок. Почему? Кассир махнул тростью и быстро, энергичным шагом пошел вниз по улице.

Но человек, только что столкнувшийся с ним, прошел в прежнем направлении всего два-три шага. Он вдруг остановился и простоял неподвижно несколько секунд. Пройдя снова только что сделанный путь от угла, он осторожно выглянул. Вдалеке мелькнула сутуловатая фигура, размахивающая палкой. Жарков — это был он — прождал еще мгновение и бросился вслед за уходящим, стараясь держаться в тени черных шахтерских домиков.

Жарков решил выяснить то удивительное предположение, которое пришло ему в голову два часа тому назад. Младший кассир — убийца Бабина! Неужели это возможно? Жарков пожертвует один, два, даже три дня, но расследует это загадочное обстоятельство.

Преследуемый шел спокойной походкой гуляющего. Он помахивал тростью и немного волочил длинные ноги. Видно было, что он любит окружающим его. В уме Жаркова мелькнула мысль, что особенно любоваться здесь совершенно нечем. Но кассир был, вероятно, другого мнения. Выйдя на высокий обрыв за Черным поселком, он остановился, взял палку под мышку и засунул руки в карманы широкого пальто. Он и не подозревал, что в нескольких шагах, спрятавшись за плетнем, другой человек наблюдает столько же за ним, сколько за прекрасным видом, растянувшимся внизу.

Да. Этот хмурый, осенний день был почему-то особенно подходящим для увеселительных прогулок. Внизу, на обрывистом берегу узенькой речки, разгуливал второй любитель природы. Жаркову нетрудно было угадать иностранца в этом кругленьком, прекрасно одетом человечке.

Мало того, что он некоторое время любовался серой быстро бегущей водой. Он даже спустился к самому откосу и, оглянувшись во все стороны — для приличия, конечно, — уселся на земле ногами к речке. Он встал меньше чем через минуту. Но на месте краткого отдыха белела маленькая, оброненная англичанином бумажка.

Теперь наступило время действия со стороны кассира. Небрежно проводив взглядом уходящего, той же неторопливой походкой пошел к берегу. Полюбовался речкой. Походил по берегу. И, к немалому удивлению Жаркова, сел на то самое место, которое пять минут тому назад занял маленький англичанин.

Белая бумажка мелькала теперь между его пальцами. Некоторое время он внимательно изучал неровный лоскуток, потом шевельнул рукой, и четыре обрывка упорхнули вдаль, подхваченные порывом ветра. Кассир покачался на месте еще несколько секунд и, отряхнувшись, так же медленно пошел обратно к поселку.

Посторонний наблюдатель пришел бы в страшное удивление, досмотри он до конца эту нелепую сцену. Он увидел

бы, как третья фигура, — фигура широкого, коренастого рабочего — выбежала из-за плетня на холме и побежала к речке, как эта фигура добежала до места, где сидели двое предыдущих, и тщательно оглядела берег, как, издав радостный возглас, она подняла один из клочков разорванной записки и стала бродить вдоль берега до тех пор, пока не нашла остальных трех обрывков. А если бы наблюдатель был из местных жителей, он удивился бы еще больше, узнав в этом любителе чужих секретов забойщика Петра Жаркова.

4. Загадочное письмо

Но радость Жаркова перешла в горькое разочарование, когда, сложив обрывки, он попробовал прочесть такое интересное для него послание. На бумажке было нацарапано кривым, малоразборчивым почерком:

«Иеном. Сгниорд рю кйет. Ленгис леужю ив. Колко ут те тйан тскен».

Что за ерунда! Даже в книжке того странного поэта, которого Жарков пробовал прочесть года три тому назад в Москве, все выходило как-то лучше и понятней. Это какое-то издевательство! Жарков снова сложил клочки и попробовал прочесть. Сложено правильно, а выходит та же чепуха. В чем дело? Жарков задумался над белым лоскутком. И засунув обрывки в карман, решительно зашагал влево.

На южной стороне поселка, против дома технических служащих, жили два молодых приятеля Жаркова — комсомолыцы Ким и Митька. Ребята днем работали в шахте, а вечером усердно учились, запершись в своем домике. «Вместо рабфака, товарищ», — коротко отвечали они каждому спрашивающему о смысле их учения. Оба готовились в московский инженерный институт. Вот и теперь, когда Жарков вошел в домик, он увидел две взъерошенные головы, в

ярком свете электрической лампочки склонившиеся над одной толстой книгой.

— А, товарищ Жарков! Ну, каково поживаем?

Митька, не отрываясь от книги, протянул вошедшему худую, испачканную чернилами руку.

— Вот что, ребята, — серьезность голоса Жаркова заставила хозяев насторожиться, — дело у меня к вам. Письмо одно разобрать нужно. Думается мне, что... как это называется... шиф... шрифтованное оно.

— Шифрованное, товарищ, — важно поправил Ким, — а ну-ка, покажи. Ага!

Все трое принялись рассматривать обрывки записки.

— Если шифрованное — дело табак. Ни в жисть не разберешь. Вот что, — заявил, наконец, Митька.

Ким сердито сморщился.

— Брось, Митька. Комсомольцы мы или нет? Комсомолец во всяком деле понимать должен. Думается мне, что не по-русски это написано. Англичанин, говоришь, оставил? — оглянулся Ким на Жаркова.

— Англичанин.

— Так. А ну-ка, попробуем по-английски. Учили ведь мы его, Митька? Попробуем. Помогай, Митька!

Митька помогал, но, должно быть плохо, так как письмо, прочитанное по-английски, оказалось таким же непонятным.

— Хм. — Ким задумался. — А, ну-ка попытаемся сзади наперед. Хитрые ведь они, эти буржуи. Не выйдет, еще как-нибудь вывернем. Ну-ка.

Через секунду Ким сорвался с места и сделал по комнате ряд быстрых прыжков. А через десять секунд снова сидел на стуле, старательно, при помощи словаря, переводя понятную теперь записку и объясняя товарищам свое открытие.

— Сзади наперед читаем. Читаем шиворот-навыворот, последнее слово; что вышло? «Некст — по-русски — этот, следующий. Дальше — найт — ночь. Понимаете, они английские слова русскими буквами нацарапали. Еще. — Ет ту оклок — в два часа. «Этой ночью в два часа». Видите, това-

рищи? — задыхающимся от волнения голосом объяснил Ким.

Переведенные слова бережно записывались в тетрадку. Перевели последнее, и перед тремя невольными сыщиками оказалась следующая фраза:

«Этой ночью в два часа. Сигналы обычные. Захватите документ. Деньги».

— Так. — Жарков изумленно поглядел на записку. — Свиданье, значит. Кассир и англичане. Чертежи. Ведь и Бабин о каких-то чертежах бормотал. Вот так история!

— О чем это, товарищ? — в один голос спросили Ким и Митька, сильно заинтересованные всем непонятным поведением Жаркова.

— О чем? Да если бы я знал, в чем тут дело, разве я стал бы возиться с этими подлыми бумажонками? Только думаю, что буржуи снова какую-то пакость нашей стране подстраивают. А теперь вот что, ребята. Нашего младшего кассира знаете? От вас видны обе двери дома, в котором он живет. Вон его два окна во втором этаже. Мне сейчас на часок отлучиться нужно, а вы следите за домом. Если покажется кассир, кто-нибудь за ним отправляйся. С глаз не спускайте. Поняли?

Жарков знал, что оба парня отлично поняли его. Он сгрел со стола рваную записку и ее перевод и выбежал из комнаты.

5. У советского директора

Советский директор разработки «Южное» жил совсем близко от домика комсомольцев. Стоило перейти широкую улицу, свернуть околицей влево, пройти еще пять шагов, и посетитель оказывался перед калиткой маленького, огороженного садиком дома. Директор был занят — разбирал срочную почту. Но когда Жарков заявил, что ему нужно не-

медленно повидаться с товарищем Мартьяновым, его пропустили сейчас же.

Тов. Мартьянов сидел за широким деревянным столом, заваленным бумагами. Это был пожилой морщинистый человек, бывший откатчик этой же разработки, единогласно выбранный в директора общим собранием шахтеров. Держа в руке нераспечатанное письмо, он вопросительно глядел на вошедшего.

— Товарищ директор, у меня дело, — произнеся эти слова, Жарков взял у стены некрашенный табурет и, придвинув его к столу, сел.

— Знаю, знаю. Снова просите поторопить сдачу. Это, кажется, вашего товарища задавило обвалом. Да, да — эти убийства... Бедный Бабин. Знал его. Уверяю вас, что мы делаем все, что возможно. Англичане сделали надбавку. Конечно, плата небольшая, но мы согласились. Завтра будет митинг, на нем мы еще раз спросим ваше мнение. Самый же договор в центре подписывается. Я телеграфирую в Москву, и все будет кончено. Завтра же. Я имею сведения, что заседание в СТО назначено на 7 часов вечера завтрашнего дня. Ну, довольны ли вы? Нет? Так чего же вам нужно в таком случае?

— Товарищ Мартьянов, мое дело другого рода. Хотя тоже касается сдачи. У нас делается что-то неладное. Я подозреваю, что убийца Бабина — наш младший кассир.

Директор привстал со стула, но Жарков не дал ему говорить ни слова.

— Выслушайте, товарищ. То, что я говорю, еще не проверено, но я почти убежден в этом. Есть какая-то связь между кассиром и англичанами. Я очень боюсь новой контрреволюционной махинации.

Путаясь и запинаясь, Жарков изложил подробности дела и передал Мартьянову грязные клочки бумаги. В увлечении рассказом он забыл служебную дисциплину и перешел на простое, товарищеское «ты», чего директор даже и не заметил, захваченный рассказом Жаркова.

— Товарищ Мартьянов, ты сам рабочий, — этими словами Жарков закончил свой рассказ. — Ты знаешь, как рады

все эти капиталисты устроить нам какую-нибудь мерзость. Я думаю, что здесь обязательно подстраивается мерзость.

Директор встал и быстро заходил по комнате. Он имел очень озабоченный вид и отбросил свой сухой официальный тон.

— Послушай, что я тебе скажу, Жарков, ты ошибаешься. Кассиру незачем было убивать Бабина. За то, что Бабин хотел тебе рассказать какую-то тайну, а кассир боялся этого? Ну, какие тайны могли быть у нашего брата-шахтера с интеллигентом? Подумай сам. Потом, эти англичане. Я не могу не верить тебе — ты испытанный работник. Но ведь у тебя нет никаких доказательств. И, кроме того, какую это имеет связь со сдачей участка в концессию?

Директор вопросительно остановился против также поднявшегося Жаркова.

— Но послушай, товарищ Мартьянов! Именно в этом заключается дело. Я твердо уверен, что Бабин знал какую-то тайну, касающуюся этого участка. О каком документе говорит эта записка? Ну, неужели нельзя отложить подписание договора до выяснения дела? В центр можно дать телеграмму...

— Нельзя. Англичане настаивают на завтрашнем дне. Они могут передумать. Участок ведь действительно плохой — это известно всем. Какая тайна, касающаяся его, может быть здесь? Новая богатая жила? Но мы знаем, что еще старые, дореволюционные владельцы продавали свои права на него. Только революция помешала им докончить дело. Мы хорошо знаем это...

Жарков попытался заговорить, но директор прервал его, ласково положив руку к нему на плечо.

— Ты хороший парень, Жарков. Но ты еще молод. Ты выдумываешь какие-то таинственные записки, необыкновенных врагов. Ты — фантазер. А у нас суровая действительность, восстановление промышленности, борьба за рынки. Подумай — могу ли я брать на себя такую ответственность — расторжение выгодного нам договора? У нас нет доказательств, товарищ. А подозревать кассира не стоит: право же, он хороший спец.

Директор отошел к столу и снова взялся за прерванное дело. Жарков вышел из комнаты.

В крайней избушке оба комсомольца сидели настороже, наблюдая двери большого дома. Никто, похожий на кассира, не выходил ни через одну дверь. Жарков придвинул табурет и тоже припал лицом к синеватому, подкрашенному вечерней мглой окну.

6. Домик в лесу

Так прошло несколько часов. Сзади слышалось ровное дыхание спящих подростков, и из комнатной тьмы мерно и настойчиво тикали стенные часы. Спереди висело черное сукно ночи, в нескольких местах пропоротое яркими квадратами окон и двумя тусклыми лампочками, горящими над дверьми дома напротив. Время от времени один из этих квадратов как бы проваливался в подымающийся над ним мрак. Погасли последние лампочки у дверей. Из темноты глядели только два ярких окна — окна комнаты кассира.

Жарков взглянул на часы. Было без десяти два. Через несколько минут должно произойти то, на что намекала загадочная записка.

Жарков вышел из дома, быстро перебежал улицу и лег на мокрую землю в тени одного из подъездов большого дома.

Но что это? Окна кассира потухли тоже. Неужели не случится ничего? Неужели был прав директор? Лежащий чувствовал, как что-то похожее на стыд и разочарование медленно заползает в его грудь.

Нет? Два квадрата снова ярко выступили наверху. Опять мрак. И опять квадраты. Сигнализация! Жарков весь подобрался, чувствуя, как сердце забилося быстрее и всему телу вдруг стало тепло на мокрой земле.

В глубине темной двери послышался легкий шорох. На улицу выскользнула смутная, закутанная в черное фигура и быстрым, уверенным шагом врзалась в ночной мрак. Жарков шел сзади. Судя по попадающимся на каждом шагу деревьям и по чему-то мягкому под ногами, они вступили в небольшой лесок, расположенный шагах в трехстах от поселка. Идущий впереди остановился. Жарков едва успел растянуться на мшистой, покрытой сучьями земле.

Мрак прорезал желтый глаз фонаря. Отделившись от черных стволов, к неподвижному кассиру двинулись две тени. Желтый луч снова скользнул по деревьям.

Один из подошедших быстро заговорил на отрывистом, гортанном языке. Жарков не понял ни слова. Кассир сделал нетерпеливое движение.

— К черту английский! Вы знаете, что я плохо понимаю на нем!

Незнакомец справа заговорил по-русски.

— Хорошо. Но ведь наш язык безопаснее... Могут подслушать! Вы сами говорили, что какой-то рабочий начал наблюдать за вами. Ну, в путь!

Фонарный луч быстро задвигался вдаль. Жарков, несколько смущенный словами незнакомца, следовал сзади. Значит, они знают, что он следит за кассиром! Ого, нужно быть осторожнее!

Перед его глазами вдруг выросли очертания маленькой избушки, окруженной стволами деревьев. Трое вошли в нее, притворив дверь. Жарков остался снаружи.

Не теряя ни минуты, он занялся осмотром хижины. Через забитое досками окно была видна ее внутренность, слабо освещенная синим светом восшедшей луны. Никого! Все трое, вошедшие в дом, исчезли. Жарков судорожно ухватился за шершавую ручку «нагана» за пазухой и открыл дверь.

Пусто. Жарков взглянул наверх и в стороны. Спрятаться негде. Он посмотрел под ноги и сообразил: в двух шагах от него сквозило длинное отверстие не совсем закрытой впускной двери.

За дверью оказалась покато спускающаяся вниз лестница. Под лестницей — узкий, уходящий в сторону коридор.

Жарков спустился вниз и, вытянув руки, пошел вперед, нащупывая пол носком правой ноги. Шагов с полсотни все шло хорошо. Потом... Жарков отшатнулся и едва удержался от крика: его нога не нащупала пола — он находился над какой-то невидимой пропастью.

Растянувшись на полу, Жарков опустил в темноту правую руку. Рука достала дно. Ладно. Он легко спрыгнул вниз и снова пошел по темному низкому проходу, идущему теперь наклонно вверх. На этот раз путешествие продолжалось гораздо дольше.

Он не решался зажечь спичку и брел наугад все дальше и дальше. Проход становился все уже. Жарков должен был ползти на четвереньках, затем лежа... Он почти не заглушал шума своих движений. Но скоро ему пришлось раскатыться в такой неосторожности. Внезапно перед его глазами блеснул яркий свет и в ушах загремел громкий, отрывистый голос.

7. Рассказ кассира

Это была богато обставленная комната с полом, покрытым пестрым ковром, с мехами на стенах и четырьмя креслами вокруг небольшого круглого стола. На трех креслах сидели трое, только что скрывшиеся с глаз Жаркова. На четвертом — высокий, совсем седой джентльмен, очевидно, глава английской делегации. Кассир громко и оживленно рассказывал. Все остальные внимательно слушали, так внимательно, что даже не заметили круглой головы с испачканным бледным лицом, показавшейся и сейчас же снова скрывшейся в высоком полукруглом жерле мраморного камина.

Жарков, снова спрятавшийся в отверстие ведущего в комнату хода, в первую минуту не мог понять ни слова из того, что говорил кассир. Но понемногу его волнение прошло. Он стал слушать, почти забыв о том странном положении, в котором находился в настоящий момент.

— Вечером,—говорил голос, очевидно, продолжающий какую-то фразу, — сидел в своей комнате, настроение ужасное. Нужно вам сказать, джентльмены, что раньше у меня в России свое имение было — при царе, конечно! — кассиром-то сюда я потом уж устроился. Все мечтал я — когда вернут мне имение. А тут новые победы Красной армии, торговые договоры, восстановление промышленности. Как быть хорошему настроению!

Так вот, сижу я, злось. Вдруг стук в дверь и чья-то волосатая физиономия просовывается. Оказывается, некий Бабин — шахтер. Пришел по важному делу поговорить. Беседовали мы иногда с ним со скуки. Да и то сказать — в таком положении и с самим дьяволом познакомишься. Ладно, говорю, войдите. Вошел он, да так, без вступления, и выложил мне всю эту историю. Но тут необходимо некоторое пояснение со стороны.

Вы уже знаете, что на участок наклеветали совершенно напрасно. То есть не совсем напрасно. В начале разработки он был, правда, малоодоходным. Содержала его компания молодых капиталистов.

Директором был один из владельцев — инженер — умный негодяй. Вот он и подстроил все дело.

Первые две шахты прорыли зря — где попало. Когда он вошел в дело — стал настоящую разведку делать. И вдруг наткнулся на огромную жилу антрацита — угля высшего качества.

Велел он невдалеке от жилы новую шахту вырыть. От шахты провел боковой штрек, как раз над залежью. Из этого штрека велел сделать скрытый забой в самую жилу. Еще раз хотел убедиться в качестве угля, чтобы зря не мошенничать! Хороший уголь, и забой складывали там же, пол земель, а наружу вытаскивали всякую дрянь — еще хуже, чем в других шахтах.

Понимаете, к чему он вел! У него была только маленькая частичка прав на весь участок. А он, конечно, хотел завладеть всеми правами, стать единственным владельцем. Нужно было убедить других пайщиков в негодности участка и купить его за бесценок. Вот он и начал агитировать в этом смысле. Владельцы-то ему вполне доверяли. Для вида свой пай как будто продал подставному лицу. Через таких же своих агентов скупал и чужие паи.

Дело почти что сладилося. Я думаю, этот директор уже чувствовал себя почти что миллионером. Но довести до конца предприятие не удалось. Разразилась революция.

Нужно вам сказать, что директор был на редкость решительный и храбрый человек. Когда у него начали реквизировать дом и прочее, он попробовал защищаться — убил троих из револьвера, а после, конечно, убили его. А пробная шахта в антраците так и осталась неизвестной никому. Во время революции главную шахту углубили, стали копать ниже...

Был один человек, который слышал об этой истории. Это был инженер Мирцев. Советский инженер. Удалось ему

случайно наткнуться на скрытый забой, как раз во время расследования случился этот взрыв.

О взрыве вы знаете. Спаслись только двое — Мирцев и Бабин. Мирцев умер с голоду. Перед смертью, однако, успел сделать этот чертеж — вы знаете, каким образом — и передал Бабину, как первому встречному. А Бабин пришел ко мне.

Пришел он посоветоваться. Бормочет что-то, стесняется. Оказывается — хочет передать план советскому директору, но не даром, а за некоторую награду. Хочет со мной поговорить, как со старым знакомым.

Ну, я его и так и сяк, наконец уговорил этого не делать. По правде сказать, трудновато мне было. Было в нем что-то такое классовое — пролетарское. «Хочу, — говорит, — своим отдать». — Да они тебе не заплатят. «Нет, хочу». Короче говоря, уговорил я его все-таки. Только из-за любовницы своей согласился. Богатством я его поманил. Согласились мы прибыль с тайны пополам поделить. У него с собой же и план был.

Самое главное в этом чертеже то, что, не имея его на руках, можно до бесконечности искать жилу и не найти ее. Мирцев случайно наткнулся, а то можно по главному штреку год ходить и без результата. Это я к тому, чтобы показать, какая ценная штука у меня в руках. А теперь расскажу, почему я убил Бабина.

Когда его придавило, решил он покаяться перед смертью. Давно уж у него такое намерение было. Пролетарская совесть, видите ли, мучила! Ну, в самый важный момент я все-таки вмешался. Потом решил заодно и документ достать, хранился-то он у лавочницы. Был у меня на примете один бродяга, тот, что на днях в больнице умер. Пошли вместе. Пока он с лавочницей возился, я документ достал. Вот этот...

8. В западне

Жарков выглянул из своей засады как раз в ту минуту, когда кассир вынул из кармана какую-то сложенную вчетверо бумагу и бросил ее на стол. Три жадных руки сразу протянулись к драгоценному документу. Но кассир знал, с кем имеет дело. Прижав локтем бумагу, он посмотрел на собеседников тяжелым подозрительным взглядом.

— Деньги на стол, господа! Деньги, или я прячу бумагу!

Жарков видел, как желтое, сухое лицо старика-англичанина покрылось кирпичными пятнами. Он вытащил из кармана толстую пачку и, небрежно просчитав, передал кассиру. Бумага была куплена. Три головы нагнулись над столом. Вероятно, для того, чтобы лучше видеть, каждый из англичан зажег спичку, близко проводя ею над поверхностью чертежа, переходящего из рук в руки.

Наконец, чертеж был рассмотрен. Седой англичанин встал с кресла.

— Таким образом, джентльмены, мы можем считать сделку законченной. Но перед тем, как расходиться, предлагаю всем выпить за процветание нового дела и за гибель проклятых коммунистов! Вы, мистер, вероятно, с удовольствием присоединитесь к этому пожеланию?

Англичанин отошел к двери, у которой стоял высокий резной погребок с бутылками и посудой. Он начал наполнять прозрачной жидкостью четыре больших стакана. Кассир сидел спиной к двери, а оба англичанина, очевидно, не заметили, что на дне одного из стаканов белела щепотка порошка, бесследно растворившегося в напитке, наполнившем стакан. Не обратили они внимания и на то, что именно этот стакан был предупредительно преподнесен нервничающему кассиру. Стаканы опустели и были снова поставлены на боковой стол.

Вдруг кассир, неподвижно сидящий в кресле, резко поднялся и уставился в лицо старому англичанину. Тот спокой-

но улыбался, не опуская своего серого взгляда. Кассир коротко вскрикнул и схватился руками за голову.

— Проклятые! Вы отравили меня! Вы хотите забрать назад деньги...

— Успокойтесь, сэр. — В виде предосторожности англичанин встал за широким креслом. — Это просто сонный порошок! Вы проспите два дня... пока мы не подпишем договор... Чтобы не было лишних разговоров... Ваши деньги останутся при вас!

Кассир хотел броситься вперед, но покачнулся и во всю длину растянулся на мягком ковре. Англичане спокойно смотрели, попыхивая своими неизменными трубками. Потом подняли неподвижное тело и понесли его из комнаты.

Комната опустела. В то же время в черном раструбе камина мелькнуло что-то белое и вымазанный в саже и пыли Жарков осторожно шагнул вперед.

Жарков сразу подошел к столу, на котором еще лежал драгоценный документ, так неосторожно оставленный ушедшими. Вот она — та бумажка, которая даст новые богатства Советской России! Он держит ее в руках! Он сейчас унесет ее. Но сначала нужно взглянуть... Ах!

Перед глазами белел совершенно пустой лист. Лист без всяких знаков и надписей. Жарков протер глаза — то же самое. Перевернул лист — и на оборотной стороне нет ничего. Значит, он ошибся — англичане ваяли чертеж с собой. На столе остался другой, обыкновенный лист.

Жарков присел на кресло и вдруг снова вскочил от новой страшной мысли. Они нарочно заманили его сюда, они видели его, сидящего в камине! Сейчас они, может быть, наблюдают за ним так же, как наблюдал убийца-кассир за умирающим Бабиным. Но у него есть оружие! Здесь, за пазухой! Жарков шевельнул рукой и почувствовал, как кровь отхлынула от его лица, а ноги сразу отяжелели — нагана не было! Он выронил его, пробираясь по темному подземелью!

Жарков бросился к камину и заглянул внутрь; последнее и самое худшее подозрение оправдывалось — вместо длинного отверстия прохода в глубине камина рассыпалась ровная и непроницаемая железная обшивка.

Влезая в комнату, он надавил какой-то рычаг, и потайная дверь закрылась, отрезав ему последний путь к спасению.

9. Митинг

На следующее утро работы в шахтах не производились вовсе. Шахтеры спали дольше обычного и, поздно встав, принаряженные и веселые, собирались на единственной широкой улице поселка. У всех было какое-то особенное, праздничное настроение. Готовились к митингу, назначенному на 9 часов утра. Особенно много ждали от первого доклада — о состоянии шахт и о передаче их англичанам.

Но в одной кучке разговор принял уж чересчур оживленный вид. Вокруг двух подростков — Кима и Витьки — собралась целая толпа. Низенький Митька широко размахивал руками и убежденно агитировал собравшихся.

— Общее собрание должно высказаться против передачи шахт, хотя бы временно. В Москве поймут... Англичане готовят нам что-то скверное! Посмотрите...

— Да что скверное-то? Что плохой участок у нас берут? — недоумевали кругом.

— Жаркова знаешь? Спроси у него! Он был вчера у директора. Тот ему не поверил — ну, да время покажет, подпишем условие — поздно будет пятиться. Эх, закручивают нас буржуи вокруг пальца, а мы и не замечаем!

Старый шахтер, стоящий против Митьки, отошел, нерешительно почесываясь. Он чувствовал, что парень говорит дело, но имел на этот счет свои мысли.

— Нет! Пора развязаться с окаянным участком. Хорошо еще, что нашлись желающие! Каждую неделю по несчастью. Довольно! Вот если бы участок действительно давал прибыль... — почти все остальные были согласны со старым шахтером...

Огромный митинговый зал уже к половине девятого был набит народом. Стояли между скамьями, в проходах, сзади. Ровно в девять на сцене, под наклонными, яркими портретами вождей, появились ораторы — товарищ Мартьянов, представительница Женотдела, представители шахт-комов и охраны труда.

Среди напряженной тишины слово взял Мартьянов.

— Товарищи, сегодня у нас решающий день. Завтра в Москве состоится последнее совещание по поводу передачи участка. Мы должны высказать по этому поводу наше мнение и отправить телеграмму в СТО.

Участок наш плохой, при всех усилиях дает только 50% нормы. Две шахты не работают совсем, новых запасов не предвидится. Правда, новых разведок не делали, но еще при старых частных владельцах все жилы были известны. Вот факты, товарищи. Прошу высказываться!

На сцену поднялся седой сгорбленный шахтер-откатчик. Он долго говорил о том, как тяжело работать, как плох уголь. Он работает здесь тридцать лет и никогда не слышал о том, что поблизости есть лучшие породы. Он считает, что участок нужно сдать. Старик спустился с эстрады, уступая место другому рабочему.

Второй высказался в том же духе. Третий тоже. А когда четвертый договаривал последние слова, толпа сзади заколыхалась, пропуская кого-то вперед. Это был Жарков. Грязный, в изорванной одежде, он медленно взобрался к предсудательскому столу.

— Товарищи, участок сдавать нельзя! Здесь есть богатая, никому не известная залежь. Вчера я видел ее чертеж. Англичане хотят обмануть нас. Кассир...

Жаркова прервал директор.

— Товарищ Жарков, чем вы можете подтвердить свои слова? Здесь происходит окончательное решение очень важного вопроса. Вы понимаете, что мы не можем поверить вам на слово. Какие доказательства...

Жарков протянул вперед свои окровавленные руки.

— У меня нет письменных доказательств. Я сам только что из дома англичан. Попал в ловушку, еле успел удрать.

Кассир продал англичанам план новой копи, товарищи! Вы меня знаете, я не стану врать. Я говорю вам — не отдавайте в концессию этот участок.

В зрительном зале как будто взорвалась бомба. Несколько тысяч человек повскакало с мест, убежденно доказывая друг другу и наполняя криком весь зал, — столько трудов! — негодный уголь! — англичане могут обидеться! — но Жарков? — Жарков сошел с ума! — неправда, Жарков честный партийный работник!

Председатель долго не мог призвать к порядку разбушевавшуюся толпу.

Вопрос был поставлен на голосование. Голосование показало: большинством 500 голосов при 200 воздержавшихся общее собрание шахтеров постановило одобрить сдачу участка английской каменноугольной компании.

Часть третья

ИСЧЕЗНУВШИЙ ЧЕРТЕЖ

1. Комсомольцы за работой

— Что же ты думаешь теперь делать, Жарков?

Выбравшись из митингового зала и пройдя несколько шагов по дороге, Жарков остановился в нерешительности. Неожиданный голос сзади заставил его обернуться и убедиться в том, что он был не единственный, покинувший собрание. С обеих сторон комсомольцы Ким и Митька заглядывали в лицо своего старшего товарища.

— Хочешь, Жарков, мы соберем ребят из ячейки и задержим отправку телеграммы? Ты уверен, что наши обмануты? Ты сам видел чертеж нового пласта? Почему же ты не взял его?

— Понимаете, ребята, это случилось как-то совсем необыкновенно! Как будто бы эту же самую бумагу они рассматривали за две минуты перед тем. Это был чертеж, а когда я взял ее, на ней не оказалось ничего. Я сидел в таком месте, откуда было не особенно-то хорошо видно комнату. Может быть, они подменили...

Митька подтолкнул Кима. Ким солидно потер рукой подбородок и обернулся к недоумевающему Жаркову.

— А где же эта бумажка, товарищ? Разве ты не захватил ее с собой?

— Захватил! Нет, конечно! Я ее бросил. Как раз в то время в комнату возвращался один из англичан. Я был заперт со всех сторон. Решил выбраться через печную трубу. Конечно, трудно было. Все-таки выкарабкался на крышу. Забежал в секретный отдел... они обещались сделать осмотр подземного хода. И видите, чем все это кончилось.

— Та-а-к. Послушай, Жарков. Ты слышал когда-нибудь о симпатических чернилах?

Я читал про них в какой-то книжке. Это совершенно бесцветная химическая жидкость. В прошлых столетиях такие чернила употреблялись для писания особо секретных документов.

Тот, кто делал чертеж, знал, вероятно, секрет состава, надпись которым появляется только при нагревании, а потом исчезает снова. Не подносили ли англичане эту бумажку к огню? Да что с тобой, Жарков?

Оба комсомольца с изумлением смотрели, как Жарков так и сел в жидкую, черную грязь дороги. Он страшно покраснел и в отчаянии хлопал себя по круглому затылку.

— Что? Да то, что ты прав, Ким! Конечно, ты прав! Это была как раз такая бумажка. Я вспомнил: англичане, рассматривая ее, держали над ней зажженные спички. Ах, я неграмотный дурак! Прозевал дело. Еще коммунистом называюсь. Ах, я...

— Перестань, братишка. Теперь все равно не поправишь. А вот скажи-ка лучше, собрат, что ли, ребят из ячейки? Мы бы устроили засаду...

Жарков поднялся с земли, отряхнулся и внимательно выслушал предложение Митьки.

— Засаду? Нет уж, не нужно. Кроме того, телеграмма, вероятно, уже отправлена. Еще сделаем новую глупость. Нужно продолжать поиски. Мы всегда можем остановить дело в последний момент. Вы лучше вот что: соберите человек десять побойчей, и расставьте их вокруг дома англичан. Если кто из них выйдет, бегите за мной. Я буду в секретном отделе. Кончу там, придумаем что-нибудь. Только, чтобы не упустить их!

Жарков уже вторично в этот день обращался к помощи секретного отдела. Только что вырвавшись из ловушки, он рассказал там всю свою историю. Заведующий отделом тов. Гремис очень внимательно отнесся к его словам и обещал срочно выяснить дело. Но когда теперь Жарков снова вошел в кабинет, он оказался гораздо строже и холоднее и, едва выслушав посетителя, начал отвечать отрывистыми, официальными фразами.

— Конечно, тов. Жарков старый член РКП, испытанный работник, но... такой необыкновенный рассказ. Все это больше похоже на роман, чем на истинное происшествие. Жарков просит сделать обыск в доме английской делегации. Но вмешательство без важного повода в жизнь иностран-

цев может послужить поводом к политическим осложнениям. Тем более, что агенты уже промахнулись одни раз...

— Как промахнулись?

После рассказа Жаркова он, Гремис, отправил агентов исследовать лесную сторожку. Они действительно нашли подъемную дверь, коридор... Но никакого сообщения с домом англичан нет. Это совершенно глухой тупик, похожий на заброшенный погреб.

— Они закрыли ход! Они догадались. Значит, секретный отдел не будет больше заниматься этим делом?

— Мы не можем ничего сделать, товарищ. Ведь у вас нет никаких доказательств. Если бы что-нибудь более конкретное...

В дверях раздался стук и показалась голова дежурного сотрудника.

— Извиняюсь, тов. Гремис. Какой-то мальчик спрашивает тов. Жаркова. Он говорит — дело срочное.

Жарков быстро встал. Его взгляд зацепился за маленький браунинг, лежащий на столе. Вспомнив, что остался без оружия, он сунул его в карман.

Внизу ждал Митька.

— Тов. Жарков, молодой англичанин вышел из дома. Трое ребят пошли за ним. Остальные сторожат. Скорей, а то он уйдет слишком далеко!

2. В разрушенной шахте

Жарков и Митька вихрем неслись по главной улице. Они пробежали поселок и вышли за околицу. С края канавы поднялся высокий подросток и подошел к Жаркову.

— Они прошли к северной шахте. Англичанин и за ним двое ребят. Я остался показать дорогу. Скорей, скорей, товарищи!

Жарков бросился дальше.

Через двести шагов из-за забора выскользнула другая маленькая фигурка.

Англичанин продолжает идти к северной шахте. С ним третий парень. Пусть Жарков поторопится, если не хочет упустить их.

Северная шахта не разрабатывалась уже около шести лет. С того самого дня, как в ней взрывом газа убило сорок пять человек и саму шахту залило водой! Надстройка давно подгнила и разрушилась, доски и бревна растаскали на дрова. И ничем не огороженный четырехугольный спуск в шахту зиял черной, глубоко уходящей вниз дырой. У отверстия сидел третий подросток, с волнением наблюдающий их приближение.

— Он полез внутрь. Только что меня не заметил. Скорей, тов. Жарков! Сними башмаки, чтоб не шуметь. Ну, теперь полезай!

Жарков нащупал первую ступеньку лестницы и нырнул в густой и сырой мрак...

Запасная спускная лестница, и вообще имеющая гораздо больше недостатков, чем преимуществ, теперь, после пятилетней заброшенности, имела ужасный вид. Невидимые, скользкие ступени выскальзывали из-под ног, деревянные перила крошились и, казалось, готовы были ежеминутно переломиться. Внизу раздавался стук спускающихся шагов. Скоро стук этот принял несколько другой характер и продолжался, как будто, в другом направлении. И почти вслед за этим нога Жаркова, нащупывающая следующую ступеньку, повисла в воздухе. Он посмотрел вниз. В этом месте лестница кончалась. Направо едва различалось отверстие входа в боковой штрек.

Жарков поставил ногу на край отверстия и отпустил перила. В следующий момент он уже крался по темному, полубвалившемуся проходу.

Впереди мелькнул свет и снова зашуршали спотыкающиеся шаги англичанина. Значит, он на верном пути! Жарков, привычный к передвижению под землей, пошел быстрее.

Англичанин двигался, старательно огибая препятствия, резко выступающие в белом свете карманного фонарика. Вдруг пляшущий луч остановился. По движениям темной фигуры Жарков понял, что она вынула что-то из кармана. Бумага! Англичанин присел на угольную глыбу и разложил что-то на коленях. Он сверялся с планом.

Бумага снова исчезла в кармане и свет опять двинулся вдаль. Шедший впереди, очевидно, отсчитывал шаги. Затем свет потух. Заметил ли англичанин своего преследователя и не ждет ли его за поворотом, чтобы встретить выстрелом из своего револьвера?

Помедлив с секунду, Жарков быстро двинулся вперед и обогнул поворот. Шагов не было слышно. С обеих сторон тело охватывала холодная, пустая тьма. Он начал ощупывать стены. В одной из них было отверстие. Следовательно, путь, по которому исчез враг, найден. Жарков решил довести расследование до конца. Все виденное им до сих пор сильно напоминало ход к скрытому забою из рассказа кассира. Он опустился на колени и пополз в боковое отверстие.

3. Схватка под землей

Отверстие заканчивалось слабо освещенной, неровной дырой в полу. Жарков дополз до края.

Внизу была узкая пещера, часть которой освещал электрический фонарик, стоящий на земле. Под фонариком болталась двухсаженная веревочная лестница, начало которой тут же нащупалось. Подле лестницы стоял на коленях англичанин, внимательно разглядывающий горсть угольных осколков, только что поднятых с земли.

В уме Жаркова сразу родились две совершенно различные мысли. С одной стороны, он мог просто вернуться обратно и привести сюда товарищей, которые подтвердят

его слова. Но сможет ли он найти потайной ход, если уйдет сейчас отсюда? Конечно, нет. Жарков решил привести в исполнение вторую, более удачную, как ему показалось, мысль.

Он ухватился за основание лестницы и бесшумно повис на натянувшихся веревках. Увлеченный исследованием качества угля, англичанин не обратил внимания на то, что лестница над ним закачалась сильнее. Жарков спускался все ниже. Теперь он находился над самой спиной согнувшегося врага. Он отпустил лестницу и всей своей тяжестью обрушился на эту, ничего не подозревавшую спину.

Но его расчеты не оправдались. Во-первых, вместо того, чтобы сразу убить или хотя бы оглушить англичанина, прыжок Жаркова просто сбил его с ног. А во-вторых, англичанин оказался мускулистым, умеющим постоять за себя малым. Прокатившись несколько шагов по земле, он сразу вскочил на ноги и принял оборонительную позицию по

всем правилам современного бокса.

Жарков тоже моментально поднялся с земли. И хотя он только мельком слышал о благородном искусстве английского кулачного боя, но в свое время был прекрасным бойцом на кулачках. И он вовсе не смутился перед направленными на него здоровыми кулаками

Первым напал англичанин. Выпад был сделан по всем правилам искусства, артистический выпад! Жарков отскочил и, развернувшись, изо всех сил треснул англичанина по уху.

Член торговой делегации не ожидал такого, противного всем спортивным правилам, приема. Он глухо застонал, схватился за голову и в тот же момент почувствовал, как две могучие руки хватают его поперек пояса и валят на пол. Он рванулся и в свою очередь вцепился в шершавое, мягкое горло врага.

Несколько времени немые черные стены наблюдали невиданную до сих пор под землей сцену — ожесточенную схватку капиталиста и пролетария. Но победителем из этой схватки вышел не тот, кому, вероятно, сочувствовали бы эти стены, если бы вообще были в состоянии видеть и чувствовать. Сэр Роберт Грин с трудом оторвал от себя руки безжизненного противника и медленно встал с земли. Он еще раз ударил каблуком по окровавленной голове Жаркова и, захватив с земли горсти две угля, начал взбираться по веревочной лестнице.

Но Жарков не умер. Несмотря на все беды и приключения, которые ему приходилось переносить за все время своей недолгой жизни, он никогда не испытывал даже ничего похожего на обморок или долгое забытие. И теперь, во время схватки, почувствовав, что побежден, Жарков только прикинулся совершенно выбывшим из строя.

И когда англичанин повернулся к лестнице и начал карабкаться наверх, рука Жаркова тихо скользнула в боковой карман куртки и извлекла оттуда какой-то плоский черный предмет. Он знал, что стоит ему остаться здесь одному без света и инструмента и... его песенка будет спета.

Поэтому, когда темная фигура с ярким фонарем на поясе качалась уже у самого потолка забоя, черный предмет поднялся до уровня глаз оставшегося внизу, направляясь вверх круглым, тупым концом. Шахту наполнил оглушительный гром выстрела. Человек наверху выпустил из рук веревку и тяжело упал вниз. Глухой стук падения слился с легким звоном разбитого фонаря. Забой потонул во мраке.

Жарков подполз к еще теплому телу и начал быстро ощупывать его. Вот бумажник — может быть, здесь! Какие-то бумаги из бокового кармана... Еще бумаги... Жарков набивал свою одежду предметами, один из которых должен оказаться драгоценным чертежом.

Труп был обыскан совершенно. Шахтер вытянулся, нащупывая ступени веревочной лестницы. Вот она! Он ухватился за перекладину и полез вверх. И, выйдя в главный коридор, вытянув вперед руки, как слепой, нащупывая верный путь, отправился в поиски хода к центральной опускающей лестнице.

4. Сообщение прервано

— Он не идет, Ким?

— Да! — Ким, сидящий на гнилом опрокинутом бревне, не мог ничего возразить на такое глубокомысленное замечание.

— Но ведь прошло почти два часа, Петин! С ним случилось что-то. Этот буржуй убил его. Нам нужно что-нибудь предпринять...

Митька не мог от волнения сидеть спокойно и быстро кружился вокруг темного отверстия.

— Да, Митька, ты прав! И если этот англичанин выйдет первым, я нападу на него. Черт меня возьми, если я не сделаю этого! Мы должны отомстить за Жаркова!..

Высокий, тощий Петин, энергично поплевав в ладони, начал засучивать рукава. Но не успел он закончить этого воинственного занятия, как в темном четырехугольнике послышался шорох, и Ким сделал условный знак. Все четверо растянулись за грудой камней, со всех сторон окружающих разрушенную шахту. В то же время из отверстия высунулась черная голова, и весь человек начал медленно выбираться наружу.

Когда Жарков вылез совсем и тяжело сел на землю возле шахты, комсомольцы выскочили из своей засады и набросились на него с жадными расспросами. Но Жаркову было не до них. С трудом вытаскивая из кармана какую-то большую вещь, он быстро пробормотал невнятную фразу. Только после третьего повторения комсомольцы поняли, что он спрашивает, который час.

— Три часа. Но почему ты спрашиваешь? Что с тобой?

Жаркову удалось, наконец, высвободить руки из кармана и на свет появились один за другим: толстый кожаный бумажник, красивая записная книжка, просто толстая пачка каких-то бумаг. Жарков лихорадочно разворачивал и отбрасывал в сторону каждую бумажку. Вдруг он вскрикнул и махнул над головой четырехугольным белым листом. Вся слабость как будто соскочила с него.

— Вот он. А ну-ка, ребята, у кого есть спички? У тебя, Митька? Зажигай скорее. Держи вот здесь! Петин, зажги другую и приставь сюда! Вот!

Под пламенем двух обгорающих спичек на чистом листе стали проступать очертания какого-то прямоугольного рисунка. Жарков вскочил на ноги.

— Это чертеж... Все в порядке... Нужно отправить телеграмму в центр. Ребята, бегите вперед, предупредите директора. Я буду вслед за вами... Живей.

Все четверо бросились исполнять поручение.

Через пять минут Жарков был в кабинете директора. Чертеж рассмотрели. Точно установили место и величину залежи. Срочно вызванный Гремис дрожащими пальцами набрасывал текст телеграммы. Сильно побледневший Мартыанов нервно курил. И только, когда Митька со всех ног

бросился на телеграф с серым листком в кармане, советский директор и заведующий секретным отделом благодарно и немного виновато взглянули на грозного и избитого маленького шахтера, неподвижно сидящего у директорского стола.

— А англичане? — Жарков тронул свою окровавленную голову.

— Англичане уехали с двухчасовым поездом. Видите ли, я все-таки установил за ними слежку. Они ждали кого-то до последнего момента. Секретаря, вы говорите? Того, у кого был чертеж? Очень может быть. Во всяком случае, телеграмма обгонит их... Это что еще такое?

В комнату вбежал растерянный телеграфный сторож.

— Тов. Гремис, на телеграфе что-то случилось. Комната дежурного заперта. Я не мог достучаться. Знаю только одно — аппарат в настоящую минуту не работает...

Конец фразы сторожу пришлось договорить в одиночестве. Все трое — Жарков, Гремис и Мартьянов — уже бежали задами поселка к зданию телеграфа. Первым добежал Гремис. Он распахнул входную дверь, пробежал приемную и дернул дверь приемника с дежурным телеграфистом. Дверь была заперта.

— Помогите же... Я не могу открыть!

Гремис всей тяжестью навалился на крепкие доски. Остальные помогали. Дверь хрустнула и сразу открылась.

В этой комнате находились два телеграфиста Черного поселка. Дежурный сидел у аппарата, немного наклонившись вперед. Голова с взъерошенными волосами и закрытыми глазами на матово-бледном лице свесилась в сторону. Когда Гремис, вошедший в комнату первым, довольно грубо схватил его за плечо, телеграфист качнулся и начал медленно падать со стула. Его товарищ, скорчившийся на диванчике в углу, тоже спал непробудным пьяным сном. В воздухе стоял слабый сладковато-удушливый запах какого-то вещества, усыпившего обоих.

Первым заговорил еще не совсем пришедший в себя от неожиданности директор.

— Они отравлены. Но как мы дадим телеграмму? Ведь эти двое были единственными, умевшими обращаться с телеграфом!

5. Гремис ставит автомобильный рекорд

После такого сногшибательного сообщения все переглянулись в отчаянии. Жарков энергично заскреб в затылке, Мартьянов развел руками и бессильно упал на стул, Гремис протяжно свистнул, извлекая из бокового кармана небольшие черные часы. Взгляд на них отнюдь не утешил присутствующих: было половина четвертого. До начала совещания в СТО оставалось три с половиной часа.

— Мы должны достать телеграфиста. До ближайшей станции с телеграфом 50 верст. Если бы на автомобиле...

— Бросьте, тов. Гремис. Как вы доберетесь туда? По полотну железной дороги? К сожалению... Час тому назад привезли известие, что на шестой версте сошел с рельс состав. Дорога закрыта до вечера!

— Аэроплан? — Гремис взглянул на Мартьянова. Мартьянов безнадежно потряс головой.

— Наш «Р32» вернется тоже к вечеру. Сейчас аэроплана нет.

— В таком случае я поеду за телеграфистом. По полотну. Где было крушение, как-нибудь перетащим автомобиль. Лучше рискнуть.

Не произнесший до сих пор ни слова Жарков тронул Гремиса за плечо.

— Тов. Гремис, мне пришла мысль. Сколько верст в час делает ваш автомобиль?

— Нормально, 60-70. Можно довести до 80-ти.

— А больше? Например, 100?

— Не знаю. Не пробовал. А что?

— Мы могли бы попробовать спасти дело. До Москвы есть прямое шоссе — 300 верст. Оно почти всегда свободно. Если бы нагнать скорость! Это вернее, чем тащить авто на плечах.

Гремис молча кивнул головой.

...Автомобиль снарядили очень скоро. Небольшой и легкий, он весело поблескивал черным лаком выгнутых боков. Гремис сел у руля, Жарков рядом. На заднем сиденье укрепили запасный резервуар с горючим. Машина рванулась вперед, сразу оставив за собой Черный поселок и его обитателей.

— Товарищ Гремис, сколько?

— Семьдесят. Сейчас усилию. Семьдесят пять. Девяносто!

Навстречу неслись деревья, груды камней, телеграфные столбы. Каждый предмет, сначала маленький и незаметный, сразу вытягивался в свой обычный рост, с ревом кидался навстречу и сразу исчезал, закрываемый облаком пыли и автомобильного дыма. Возбужденные лица резал холодный сырой ветер.

— 5 часов. Мы проехали больше половины пути! Слушайте, Жарков, — Гремис нагнулся к самому уху спутника, — пока все идет хорошо. Но тут есть шлагбаум. На двухсотой версте. Как быть? Если он закрыт и мы не замедлим ход, от нас останется одна каша. Мы разобьемся вдребезги. А замедлим — будет проигрыш времени. Мое мнение...

— Конечно, нет, — Жарков крепко ухватил руку Гремиса, — дуйте вовсю. Мы не можем терять ни минуты!

Голова в автомобильных очках снова склонилась к круглому колесу руля.

Закрыт шлагбаум или нет? Хорошо, если открыт, а если нет? Удар о перекладину, грохот и все кончено. Но документ, совещание... 198 верст... 199...

Из-за далекого поворота выскочила группа столпившихся домиков и хищно бросилась навстречу гудящему автомобилю. Открыт или нет? Если закрыт, все равно не успеют. Впереди кричащий и машущий руками человек, несколько людей... Вероятно, шлагбаум опущен. Смертельно бледный Гремис еще ближе припал к рулю.

Нет. Три домика, будто упав со всех сторон на подпрыгнувший автомобиль, пронесли мимо и затерялись вдали. Застава была свободна. Только какая-то несчастная курица пострадала за правое дело — Жарков увидел на передке автомобиля пучок окровавленных перышек, тотчас подхваченных и унесенных свирепым ветром. Автомобиль летел вперед. Еще несколько прыжков, несколько минут грохота и свистящего ветра. По бокам шоссе все чаще возникают домики, заборы, человеческие фигурки, изумленно озирающиеся вслед сумасшедшим ездокам. К уху Жаркова наклоняется возбужденное лицо Гремиса.

— Товарищ Жарков, мы поставили автомобильный рекорд. Наша машина идет 2 часа 40 минут. Мы сделали 230 верст. Вот только бы не случилось бы чего-нибудь плохого...

6. 7 часов вечера

Вещью, наиболее взволновавшей 4-х членов английской делегации — двух прибывших из Черного поселка и двух, встретивших их на гремящем, охваченном суетой вокзале в Москве, — было странное и совершенно необъяснимое исчезновение Роберта Грина. Куда он мог деваться? Никаких провалов и опасных трещин не было в заброшенной шахте — это отлично знали англичане, еще на рассвете посетившие скрытый забой. Грин должен был только захватить образчики угля. И вот — Грин пропал. Конечно, это не важно — сообщение между поселком и Москвой прервано, да и Грин не такой человек, чтобы выдать тайну. Но, все-таки, оригинал чертежа у него...

Все четыре джентльмена были очень недовольны необъяснимой неаккуратностью товарища. Хотя — работа прежде всего. Важно не запустить дело. Когда концессию подпишут — судись тогда с ними, — с британскими подданными. Разве они не граждане величайшей в мире державы?

В Москву члены торговой делегации прибыли как раз вовремя. За двадцать минут до совещания. Быстроходный авто подвез их к широкому подъезду СТО. Их провели в блестящий, богато обставленный кабинет члена коллегии.

Все было готово к подписанию договора. Переписанный текст лежал на столе. Прочесть, утвердить, скрепить подписями... И участок перестанет быть советской собственностью. Скорей бы! Ведь столько трудов, а произойди какая-нибудь пустая случайность, и почтенная торговая фирма превратится в компанию опозоренных, преследуемых законом нищих!

Глава делегации взглянул на часы.

Три минуты восьмого. Секретарь развернул договор, началось чтение пунктов. — Скорее бы кончить! Конечно, ничего не может случиться, а все-таки...

Задержка. Что еще? Советское правительство несогласно с этим пунктом. Угодно джентльменам изменить его? Конечно. Только бы скорее подписать.

Чтение пунктов кончается. «Передается в полную собственность — сроком на шестьдесят лет... С единовременной уплатой...» Все, кажется.

— Таким образом, концессия может считаться заключенной. Теперь дело в подписях!

Где-то далеко книзу захлопали двери. Пустяки. Расстроенное воображение...

Подпись сэра Гудвина, председателя правления фирмы, подпись мистера Джексона...

Перо переходит в руки члена коллегии. Еще минута...

За дверью раздался грохот падения грузного тела, шум борьбы и кто-то отчаянно забарабанил в дверь. Англичанин поднялся в кресле, впиваясь глазами в руку, держащую перо.

— Подписывайте же, сэр!

Но член коллегии не подписывает. Он положил перо и смотрит на темную, дрожащую от стука поверхность.

— Товарищ Мосев, впустите.

Секретарь открыл дверь. И глазам сидящих в кабинете представилась удивительная сцена.

На пороге стоял низенький крепкий человек в рабочем костюме, сжимающий в кулаке правой руки белый лист бумаги. Сзади него другой, высокий, бритый, с энергичными чертами лица, объяснял что-то нескольким служащим и милиционерам, подкрепляя свои объяснения целой пачкой истрепанных мандатов. На заднем плане виднелись следы горячей схватки — несколько поваленных стульев и тяжелый канцелярский стол, простирающийся к потолку все четыре ножки, как бы жалуясь на причиненную ему обиду.

Жарков выставил вперед руку с документом и, запустив другую руку в карман, шагнул к столу члена коллегии.

— Вот план, — он бросил бумагу на стол. — Чертеж лучших пород разработки «Южное». Они, — Жарков выразительно кивнул на замерших англичан, — хотели обмануть нас... Испортили телеграф. Железнодорожный путь... Нам пришлось взорвать автомобиль! А вот уголь! — Он высыпал на стол горсть черных осколков. Антрацит. Теперь ведь вы не будете подписывать условие?

7. Чего добился Жарков

Концессию, конечно, не подписали. Англичане начали было угрожать своим правительством, говоря, что в последний момент нельзя прерывать ход почти завершенного дела. Но член коллегии, только раз взглянувший на чертеж, совершенно изменил свое отношение к сдаче участка. Подумать только, что компания международных аферистов чуть не отбила у рабочей страны целое состояние! Да к тому же поведение англичан сильно пахло обыкновенной уголовной ответственностью.

Работа в «Черном поселке» закипела. Привезли новые усовершенствованные машины, установленные у вновь открытой залежи. Уголь действительно оказался лучшего качества — «с таким углем и умирать не надо» — говорили рабочие, мигом забывшие свои прежние неудовольствия. Да и число несчастных случаев при работе в породе высшего сорта сошло почти на нет.

Что же касается кассира, то в вечер описанных событий его нашли крепко спящим в дальней комнате уединенного домика англичан. А потом кассир исчезает. Последний его след мы находим в книге арестованных в тюрьме ГПУ. Да еще в процессе английской каменноугольной фирмы довольно часто фигурировала его фамилия.

А главный герой всего приключения Петр Жарков? Через несколько дней среди толпы рабочих, направляющихся к месту прорытия новой шахты, каждый желающий мог увидеть его широкую спину и круглую, стриженую голову. И только одним отличался он от прежнего скромного забойщика — тем, что на темной материи его куртки алела маленькая шелковая ленточка. Это был орден Красного Знамени, выданный Жаркову за самоотверженное расследование дела английской фирмы.

И на этом кончается повесть о черном золоте.

АМЕРИКАНСКИЕ ФАШИСТЫ

Повесть с приключениями

Рис. худ. Н. Дутова

ДТУМАННЫИ

АМЕРИКАНСКИЕ
ФАШИСТЫ

1.

Жизнь останавливается

Еще за много дней до фактического объявления стачки всем было ясно, что на мирный, спокойный Тауншир — один из центров американской металлургии — надвигается что-то исключительное. На заводах и в рабочих клубах устраивались частые сходки, отдельные рабочие тайно переглядывались и перешептывались между собой, а в газете «Ред пейпр» — официозе «Индустриальных рабочих мира» — начали ежедневно появляться передовицы, призывающие читателей к решительности и классовой солидарности. Что-то назревало и готовилось.

А причины к этому назреванию были: расцвет американской промышленности кончился, наступала полоса затяжных кризисов. Время высокой заработной платы прошло безвозвратно, расценки снова понизили на 10%. Это было уже слишком. Рабочие сталелитейного завода направили в правление своих представителей с требованием повышения заработной платы.

Правление отказало. Стоя перед недоступными, наглухо закрытыми дверьми кабинета секретаря, восемь делегатов — членов Союза индустр. рабочих мира — решились немного поворчать и не сразу ушли после решительного ответа.

На следующий день, придя на работу, по обыкновению, в 7 часов утра, все восемь были вызваны в контору и получили там свои расчетные книжки с пожеланием найти место, где им будут платить лучше, чем здесь.

И в 7 1/2 они все стояли на улице, в последний раз созерцая высокие заводские ворота, навсегда закрывшиеся для них. С этими воротами — это отлично знали выброшенные на улицу — для них закрылись тысячи других заводских ворот на много миль в округности. Правление сталелитейного завода было пайщиком «Центрального соединенного

треста Северной Америки». Этому тресту принадлежали все заводы и предприятия огромного города с его многочисленным населением. И ни один из этих заводов не захочет взять неблагонадежных субъектов, посмевших нарушить спокойствие своих хозяев. Смерть с голоду или путешествие за несколько сот верст в поисках новой работы — вот что предстояло восьмерым бывшим делегатам!

А в тот же день, несколько часов спустя, на заседании пайщиков треста рассматривалось предложение о новом, пятипроцентном уменьшении зарплаты. Предложение было одобрено и принято к исполнению.

Это было днем 27 сентября 1926 года. Город жил полной жизнью. Звенели и грохотали асфальтовые мостовые под грузом тысяч воющих и хрипящих автомобилей, трамваев и автобусов. Мягко содрогались железобетонные тела заводов, наполненные людьми-автоматами, под лязг и шум быстро исполняющими свое дело. Двигались огромные руки паровых кранов, поднимая все новые и новые партии грузов, подвозимых электрическими поездами, бегущими

по сети рельс, густой паутиной опутавших город. А по вечерам яркий свет электрических реклам и круглых ламп освещал улицы, наполненные «отдыхающей» публикой, и подземные шахты, кочегарни и мастерские, работа в которых продолжается днем и ночью.

Это было 27 сентября, а 28 город не проснулся в свое обычное время. Непривычно молчаливо расстилались серые мостовые с одинокими, недоумевающими полисменами на углах. Не открывались заводские ворота, проглатывая покорных, сгорбленных людей. В безлюдных заводских казематах тускло поблескивали металлические части неработающих машин. То же было и в восемь, и в десять, и в двенадцать часов утра. То же было и на следующее утро.

Жизнь остановилась. Новое понижение платы и увольнение восьмерых делегатов было последней каплей, переполнившей терпение рабочих. Первым остановился сталелитейный завод. За ним — заводы механический и прокатный. Не вышли на работу рабочие электрических станций, остановив движение и погрузив во мрак городские улицы и квартиры. Затем остановились все остальные предприятия.

Началась знаменитая Таунширская забастовка, послужившая началом целого ряда других забастовок по всей территории Соединенных Штатов.

2

«50.000 долларов»

- Мистер Ганновер предлагает 30.000 долларов.
- Этого мало, Джим. Имейте в виду...
- Ну, конечно. Я знаю. Вы хотите сказать мистеру Ганноверу, что хотя мы и можем во всякое время слегка пощипать рабочих, но массовые погромы и избиения не мо-

гут начаться без солидного повода. Общественное мнение, знаете ли! Предлог непременно должен быть. А предлог тоже денег стоит, мистер Ганновер! Известно ли это вашему Центральному тресту?

Трое богато одетых джентльменов сидели в небольшом отдельном кабинете дешевой таверны на углу Бродвея и Доллер-Сити. Перед каждым лежала записная книжка и стояла бутылка крепкого горячительного, попросту говоря, водки, без которой ни один настоящий американец не будет вести даже пустячного делового разговора. Двое из собеседников вели себя очень свободно, то и дело прихлебывая из своих постоянно пополняемых стаканов. Третий — очевидно, гость — почти не пил. Его правая рука нервно теребила лежащие на столе предметы — большие круглые очки и фальшивую бороду, благодаря которым незнакомец надеялся сделать неузнаваемым свое бледное, сильно потрепанное лицо. Он заговорил убедительным, горячим тоном:

— Клянусь статуей Свободы, господа!..

— Не клянитесь, мистер Ганновер. И вы и ваш трест отлично понимаете, что это слишком дешево. Подумайте: придется поднять около двух тысяч ребят, придется открыть наши карты в Стаечном комитете. Придется... Вы сами знаете все трудности этого дела.

— Ну, хорошо, джентльмены... 50.000 долларов. Это последнее, что может дать трест. Вы согласны?

— В трехдневный срок, вы говорите? — Один из собеседников, высокий черноволосый человек, решительно облокотился на стол. — Ладно. Через два дня, будьте уверены, оканные рабочие станут к станкам. Даю вам слово ку-клукс-клана, мистер!

— Великолечно! Теперь еще несколько вопросов.

— Во-первых, — незнакомец бросил подозрительный взгляд на тонкую перегородку, отделявшую кабинет от других помещений, — могу ли я быть уверенным, что нашего разговора не слышит никто?

Черноволосый человек, Джим, кивнул головой.

— Так вот. Способы, которые вы хотите употребить для создания повода к погромам, пока остаются тайной?

Джим повторил свой утвердительный жест.

— Завтра я буду иметь последний разговор с членами Стаечного комитета. Вероятно, они не пойдут на уступки. Тогда приступаете к делу вы. Но постарайтесь обойтись без многих убийств. Не больше, как двух-трех зачинщиков. Вот их имена. И не очень уродуйте рабочих. Помните, что на следующий день они должны будут стать к станкам. Деньги получите в день окончания стачки. Оль-райт, джентльмены!

Произнося последние слова, мистер Ганновер — представитель Центрального соединенного треста — уже успел прицепить свою бороду и прикрыть очками глаза. Подняв воротник и низко нахлобучив шляпу, он пожал руки обоим сообщникам и вышел из комнаты...

...В тонкой перегородке вдруг отворилась незаметная раньше дверь, и в комнату вошли друг за другом десять франтовски одетых молодых людей.

Не говоря ни слова, они расселись вокруг стола. Один опустил руку под стол и вытащил несколько непечатых темных бутылок. Совещание с представителем треста кончилось. Началось новое заседание руководителей местного ку-клукс-клана. Говорили все сразу и поодиночке, обдумывая способы скорейшего проведения в жизнь поручения, полученного от треста. Бутылки быстро пустели...

...Через два часа порядочно охмелевший Джим шумно расхохотался и встал, опрокидывая пустые стаканы на жалобно заскрипевшем столе.

— Нет, вы подумайте, Дэв. Ведь это же неподражаемо. Без этого он может, чего доброго, уговорить их согласиться на условия треста. А так мы сразу убьем трех зайцев: смерть главных забастовщиков, повод для погромов и потом, — Джим снова захлебнулся неудержимым смехом, — мы накажем этого проклятого Ганновера. Держу пари, что он утаил не меньше 10.000 из денег, предназначенных нам. Он пожалеет об этом завтра, если только успеет сделать это...

— Но, Джим...— сидевший рядом маленький человечек с юркой физиономией все еще не мог оценить гениальной мысли товарища, — но деньги? Чек? А разве после смерти Ганновера...

— Ну, конечно же! Ведь чек выдается трестом. А то, что при взрыве погибнут и рабочие, это ничего не значит. Трест раздует только смерть представителя. Понимаете? Это такой повод для избиений! И, кроме того, ваше предательство, Дэв, будет скрыто. Ведь погибнет весь Стаечный комитет. Вы останетесь чисты, как голубь. Как вы на это смотрите, ребята?

«Ребята» не отвечали. Откинувшись на стулья, они с восхищением и даже с некоторой завистью смотрели на своего высокоталантливого вожака.

3

Ку-клукс-клан. Что это такое?

Прежде чем перейти к изложению дальнейших событий и приключений, которыми была так богата описываемая забастовка, необходимо сказать несколько слов о самом ку-клукс-клане, таинственной и сильной организации

«законности и порядка», которая должна была принудить рабочих снова стать на работу.

Ку-клукс-клан берет свое начало из довольно далекого прошлого. Еще около 60 лет тому назад, во время освобождения негров в Америке, недовольные этим освобождением помещики устроили тайную организацию, которая должна была воспрепятствовать властям проводить в жизнь действительное раскрепление черных рабов, приравнение их в правах к их белым хозяевам. Еще тогда члены этой организации совершали тайные набеги на негритянские семьи, убивая и мучая захваченных пленников. Страху, который внушала населению таинственная организация, способствовал театральный костюм ее членов — белый халат и колпак, надвинутый на лицо, с узкими прорезами для глаз. В этих костюмах, похожие на мертвецов, вышедших из могил, члены клана приводили в ужас бедных суеверных негров. Само название общества воспроизводит звук щелкающего ружейного затвора. В общей же сложности ку-клукс-клан был настоящей бандитской организацией, с которой действительно боролось само американское правительство.

Теперь времена изменились. Растущая коммунистическая агитация для правительства богачей опаснее всяких бандитов. И когда во время империалистической войны в Америке возникла мысль снова возродить забытое общество, за его организацию принялись сами богачи и их дети. Разница оказалась только в том, что теперь вместо негров ку-клукс-клан травил и преследовал рабочих «свободной» Америки.

Еще при самом своем возрождении ку-клукс-клан показал, на что он способен: очень часто случалось, что отряд белых саванов окружал ночью жилище рабочего, заподозренного в сочувствии коммунистической партии. Ничего не подозревающего сонного человека хватали, связывали и тут же устраивали нечто вроде быстрого суда над ним. Затем осужденного увозили в лес, за город или просто в какое-либо пустынное место и там начиналась расправа. Привязав к столбу, его до смерти избивали ремennыми кнутами, вырезали из него куски тела, поджаривали его на

костре. Члены шайки все время соблюдали полное молчание, освещая пытаемого светом автомобильных фонарей. Потом жертву или убивали немедленно, или бросали на произвол судьбы, и только утром случайный прохожий находил в лесу израненного, голого, окоченевшего человека. Члены же страшной шайки спокойно разъезжались по домам, и на следующий день никто не признал бы ночных палачей в хорошо одетых молодых людях — сыновьях и родственниках местных банкиров и фабрикантов.

Так было сначала. Ку-клукс-клан был организацией избранных, богатых, работающих не из-за денег, а так сказать, для собственного удовольствия. Но скоро положение дел изменилось. Рабочие стачки и волнения стали повторяться так часто, что одних добровольцев-любителей уже не хватало.

И вот в больших городах начали организовываться специальные отряды ку-клукс-кланцев, которые за хорошие деньги предлагали свои услуги нуждающимся в них капиталистам. Эти отряды составлялись из промотавшихся франтов, солдат «американского легиона» и разных бродяг. Они устанавливали связь между собою, помогали друг другу, в

то же время соблюдая большую таинственность в своей организации. В некоторых местах устраивались специальные технические школы для членов общества: они должны были выпускать квалифицированных рабочих-стачколомов. Сами власти принуждены были подчиняться могучей организации. Арестованных ку-клукс-кланцев судьи выпускали на свободу без всякого суда. Судья знал, что стоит ему осудить такого бандита и через два дня он будет убит из-за угла ударом кинжала или револьверной пулей. Все чиновники дрожали при одном имени: ку-клукс-клан.

Таково было положение в Соединенных Штатах к тому времени, когда уполномоченный Центрального объединенного треста м-р Ганновер предложил руководителям таунширского ку-клукс-клана 50.000 долларов в случае ликвидации всеобщей забастовки таунширских рабочих.

4

В гостинице «Свободного рабочего»

На следующий день, ровно в два часа дня, члены Стачечного комитета собрались в общем зале гостиницы «Свободного Рабочего». Все здание этой гостиницы, принадлежавшей Союзу индустриальных рабочих мира, было предоставлено на время стачки в полное распоряжение Стачечного комитета.

Здесь, в этой гостинице, был главный штаб всех сил забастовщиков.

Все члены комитета явились даже немного раньше назначенного срока: предстояло решительное совещание с представителем Центрального треста. От этого совещания зависело очень многое. Конечно, у комитета имелся еще некоторый денежный фонд. Но забастовка продолжалась уже

четыре дня. Вот-вот начнутся колебания в массе. А с треском, может быть, и можно еще договориться...

Председатель комитета Том Петерсон — младший техник машиностроительного завода — сидел у пустой буфетной стойки, упершись в колени жилистыми кистями коричневых от работы рук и опустив на грудь свою седую волосатую голову. Питер Джемс, молодой, неуклюжий малый с умными черными глазами на некрасивом лице, внимательно перелистывал какую-то тонкую брошюрку. Цезарь Рэне — огромный негр-железнодорожник — сидел на самой стойке, сосредоточенно дымя дешевой сигарой. Последним из четырех членов Стачного Комитета был... но с этим маленьким юрким человечком мы имели возможность познакомиться раньше. Только вчера вечером он назывался не Дэвом Уотом, секретарем Стачного комитета, а просто Дэвом, другом и сообщником Джима, главаря местного ку-клукс-клана. Теперь Дэв Уот скромно сидел в углу, поглядывая своими блестящими глазками на всех троих, находившихся в комнате.

На лестнице слышались чьи-то твердые, уверенные шаги. Представитель? Дверь открылась. Нет, это был не представитель. На пороге стояла фигура человека, совершенно не известного никому из присутствующих.

Несмотря на обычный американский костюм, это был, несомненно, не американец. Над широким спортсменским пальто, из-под шоферской кепки выступало загорелое, широкое лицо с плоским носом и немного раскосыми серыми глазами. Небольшой рот приветливо улыбался. Незнакомец снял кепку и шагнул в комнату.

— Я говорю с членами Стачного комитета?

— Да, мистер, — Петерсон поднялся к нему навстречу.

— Сразу видно. Еще на улице заметил. Ведь из каждого подъезда за этим домом по три шпика наблюдают. — Незнакомец быстро двигался по комнате, пожимая руки присутствующих. — Здесь все свои? Вы, наверное, получили мою радиограмму? Я — Краснов, член Коминтерна. Только что прибыл на аэроплане. Мы имели известия о вашей забастовке.

— Тов. Краснов? Вы были организатором корнвалисской стачки рудокопов? — старик Петерсон крепко жал руку Краснова. — Но к нам вы, кажется, опоздали. Сейчас здесь будет представитель треста. Вероятно, удастся достигнуть соглашения.

— Вот как? Значит вы не хотите бороться до конца? Напрасно. Поверьте, капиталисты непременно должны будут уступить. Товарищ, — Краснов в упор смотрел на съевшегося Уота, — как вы думаете на этот счет?

— Конечно, мистер Краснов, я согласен с вами, — глаза Уота правдиво смотрели в серые испытующие глаза, но через полминуты дрогнули и ушли в пол. — Но не начать ли нам готовиться к совещанию? Тов. Петерсон, вы ничего не имеете против? Я приготовлю северную комнату! — мягко шелестя ногами, Дев Уот вышел.

— Этот человек, — Краснов непринужденно сел к столу, опираясь подбородком на руку, — я где-то видал его! Он секретарь комитета?

— Он из профсоюза швейников. В прошлом году вступил в Союз индустриальных рабочих. Но странно, что он не поправился вам, тов. Краснов: у него очень революционный, даже я бы сказал, слишком революционный образ мыслей.

— Возможно, возможно... — Краснов медленно раскуривал папиросу. — Может быть, я ошибся. Но какие у него дьявольски неприятные глаза!

5

Бомба под столом

А Дэв Уот прошел в северную комнату и прежде всего дважды повернул ключ в замке входной двери. Затем быстро отодвинул от окна на середину комнаты стол. Вынув из кармана продолговатый металлический цилиндр, обмотанный белым шнуром, он приподнял суконное покрывало с одной стороны и, приложив цилиндр к внутренней стороне покрывала стола, быстро, дорожа каждым мгновением, прикрепил его к ней четырьмя длинными кнопками. Такими же кнопками он пришил размотанный шнур, который шел теперь от края стола до самой его середины, где была укреплена бомба. Затем Дэв быстро опустил покрывало и, капнув чернилами над тем местом, где проходил шнур, разложил на столе все нужные для совещания бумаги, прибавив к ним еще несколько из стоящего в углу шкафа. Затем беззвучно рассмеялся и не менее беззвучно снова отпер входную дверь.

— Дураки, — Дэв присел к столу с приятным чувством исполненного долга. — Еще стачки устраивают, идиоты. Через две минуты после прихода этого Ганновера я зажигаю фитиль, а еще через три минуты все они летят к черту на рога. Только вот этот приезжий, он так проникательно

смотрел на меня. Хорошо бы и его отправить вместе со всеми... Идут.

За дверью раздался шелест многих ног и в комнату вошли озабоченные члены Стаечного комитета, франтовый мистер Ганновер и настороженный, внешне спокойный Краснов. Представитель уже говорил на ходу и, развалившись на стуле, внушительно оглядел всех собравшихся.

— Вы понимаете, джентльмены? Трест не может дать вам больше того, что дает. Настали тяжелые времена. Мы сами еле сводим концы с концами. Придется проводить сокращение служащих.

— Значит, вы не идете на уступки? Зачем же было начинать переговоры? — старик Петерсон угрожающе перегнулся через стол. — Вы не делаете никаких уступок? Никаких?

Агент бросил Уоту взгляд сообщника, и Уот ответил на этот взгляд, внутренне издеваясь над этим человеком, не чувствующим, что доживает последние минуты.

— Наоборот, джентльмены, мы делаем вам огромную уступку. Мы примем обратно на заводы всех забастовщиков. Вы ведь знаете, что нам ничего бы не стоило набрать сколько угодно других...

— Ложь! Штрейхбрехеров-чернорабочих вы можете набрать хотя бы из своих проклятых полицейских, но ни один квалифицированный рабочий не будет работать у вас. В этом ручаемся мы, Стаечный комитет Тауншира. — Петерсон сильно ударил по столу сжатым кулаком, и этот же жест повторили негр Рэне и Питер Джемс, во всем согласные со своим председателем.

— Вы в этом уверены? — Ганновер старался сохранить свое пренебрежительное выражение лица, но по дрожанию его губ и легкой растерянности в глазах все поняли, что удар попал в цель.

— Но чего же вы хотите в таком случае?

— Трест должен дать нам нормальные ставки. Отмены одного последнего понижения мало. И все уволенные должны быть приняты обратно. Мы...

Так началось совещание в Стачечном комитете. Все присутствующие волновались. Только Краснов, откинувшись на спинку стула и не принимая участия в совещании, обдумывал и взвешивал все происходящее. Его все еще продолжал интересовать странно знакомый ему человек с лисьей физиономией, сидящий против него...

И вдруг он увидел, что рука этого человека, только что раскурившего папиросу, как бы случайно опустилась с зажженной спичкой под стол. Вся поза Уота выражала безучастность и рассеянность, но в лице было страшное, едва скрываемое напряжение. Глаза неподвижно смотрели вперед, и даже зубы немного оскалились под небольшими усами. В следующий момент Уот встал и, что-то шепнув отмахнувшемуся от него Питеру, поспешно вышел из комнаты.

Совещание продолжалось.

И вдруг произошло нечто совершенно неожиданное. Спокойный, молчаливый незнакомец, тов. Краснов, с легким криком выхватил из-под стола руку с растопыренными пальцами, и, отшвырнув стул, быстро вскочил на ноги. Вскочили, как будто подчиняясь чьему-то приказу, и все присутствующие.

Перед их глазами происходила необъяснимая сцена: двумя движениями рук Краснов сбросил на пол покрывало со всеми бумагами и мягко опрокинул тяжелый дубовый стол. И тут все увидели, поняли и толпой шарахнулись к закрытой двери. На почерневшей от времени доске поблескивала белая сталь динамитного патрона, а в одном дюйме от него тлела кровавая искра горящего фитиля. Но фитиль не догорел. Ловкие, умелые пальцы наклонившегося Краснова смяли и затушили красный потрескивающий огонек. Осторожно вынув из патрона остатки фитиля, он выпрямился и спокойным взглядом обвел окружающих.

— Бомба, пущенная в дело две минуты тому назад! Хороший конец, товарищи! Через полминуты от всей этой комнаты со всем в ней находящимся осталось бы не больше кучи щепок, немного измазанных кровью.

6

Краснов объясняется

Некоторое время все присутствующие продолжали оставаться в тех же позах, в каких их застало неожиданное приключение. Только что рядом с ними прошла сама смерть, заглянув им в самые зрачки своими холодными, немигающими глазами. Представитель простоял несколько секунд совершенно неподвижно, с расставленными руками, даже не стараясь унять прыгающую челюсть, и только потом нахлобучил снятый цилиндр и шагнул к двери.

— Стойте, мистер! — Краснов взял Ганновера за руку и отвел его вглубь комнаты.

— Что... что... что вам надо? — Ганновер старался вырвать свою слабую ладонь из железных, негнувшихся пальцев Краснова.

— А вот что, мистер! Кажется мне, что сегодняшнее событие произошло не без участия вашего проклятого треста. Я, было, и вас заподозрил сначала. Видите ли, они хотели одним ударом убить всех нас, а чтобы подозрение не пало на них, решили разделаться и с вами на всякий случай. Вот благодарность капиталистов! Но дело не в этом. Вы, пожалуй, еще начнете кричать везде о том, что случилось сегодня. Полиция подхватит и получится так, что рабочие хотели убить человека, посланного к ним для переговоров. Знаю я ваше правительство. Так вот...

— Поверьте, сэр... — Ганновер немного пришел в себя и только легкое дрожание выдавало его волнение. — Поверьте, я так признателен вам... Если бы не вы... — голос представителя снова осекся.

— Ну хорошо, идите и не болтайте вздора. Мы сами сможем разделаться с нашими врагами. Но помните, вы обещали!..

Освобожденный американец как-то странно мотнул головой и исчез в темной дыре двери. На лестнице утихали его неровные, заплетающиеся шаги

Теперь Краснов обратил внимание на остальных. Петерсон и негр приблизились к нему, тиская его руки в своих потных, холодных руках. Только Джемс не принимал участия в общей благодарности: еще до ухода представителя он вытащил из кармана небольшой браунинг и тихо выскользнул из комнаты.

— Но кто же это? — старик Петерсон дрожал от негодования. — Неужели Уот? Свой брат, рабочий... неужели?

— Конечно же, товарищ! Это работа ку-клукс-клана! Я подозреваю, что Уот и на фабрику-то поступил как член этой подлой организации. Придется нам еще побороться с ними: они не оставят этого дела. Я, видите ли, сразу заметил, что с этим Уотом что-то неладно: уж очень он волновался, глаза у него так и горели, как у крысы. А потом я все вспоминал, где я его видел, и вспомнил. Еще во время стачки в Чикаго он был среди стачколомов. Мы тогда здорово помяли им бока. Только вот вспомнил-то я поздно.

— А бомба? Как вы могли предупредить?

— Ну, это-то как раз пустяки. Я все время следил за ним. Ну, а как он стал поглядывать вниз да зажег спичку, тут я начал понимать. Затем опустил руку под стул и нащупал шнур. Дошел до конца и обжегся. Все это, знаете, вздор по сравнению с нашими белогвардейцами. Вот, когда я у нас в Москве, в Чрезвычайной комиссии работал, там были дела!

В комнату тихо пошел Джемс и остановился у дверей.

— Убежал? — Краснов с ясной улыбкой посмотрел на Джемса.

— Да. То-есть... Откуда вы знаете, что я ходил за ним? Я действительно хотел поймать Уота. Представьте себе: он сидел внизу и ждал взрыва! Когда увидел меня с револьвером, побледнел, как бумага, и бросился к дверям. Я его только и успел раза два сапогом ударить. Конечно, можно было застрелить его.

— И правильно сделали, что не стреляли. Это дело нам необходимо замять. Представитель треста будет молчать. Вот бы только печать не пронюхала.

7

Центральный трест интересуется стачкой

Печать все-таки пронюхала кое-что. Конечно, не таунширская печать. В самом Тауншире не выходило ни одной газеты — все печатники присоединились к всеобщей забастовке. Зато в других городах, начиная со стального огромного Питтсбурга и кончая Нью-Йорком и Чикаго, жизнь кипела вовсю. Внимание всех и в особенности Питтсбурга было устремлено на мертвый, застывший Тауншир. Еще бы, ведь этот город был одной из главных основ Центрального треста. И вполне понятно нетерпение, с которым член прав-

ления в Питтсбурге, мистер Гарвей, ежедневно развертывал свежие номера газет. Увы! Других источников информации у него не было: ни один аппарат, соединяющий Питтсбург с Таунширом, не работал уже третий день.

Как полагается, газеты сильно преувеличивали и извратили то, что произошло в «Свободном рабочем». В вечерних выпусках питтсбургского «Ньюса» появились экстренные телеграммы о свидании рабочих с представителем трестов. Писали о том, что изголодавшиеся, расвирепевшие стачечники чуть не убили уполномоченного, который не хотел пойти на уступки. Упоминали о ряде выстрелов, которыми члены Стаечного комитета обменялись с подоспевшими полицейскими, о том, что один из членов комитета был убит товарищами за предательство и похоронен под полом «Свободного рабочего». Одним словом, целая страница неправдоподобной чепухи, набранной крупным шрифтом! И это вранье распространяли миллионы газетных экземпляров и тысячи говорящих машин выкрикивали его на всех перекрестках!

Мистер Гарвей, член правления Центрального треста, с бешенством скомкал газетный лист и запустил его в угол кабинета мимо лица неподвижного, подобострастного лакея.

Член правления, мистер Гарвей, был не в духе. И было из-за чего. Уже не говоря о том, что целый день его толстая, откормленная фигурка мелькала по улицам в блестящем авто, взлетала на сороковые этажи контор и банков, подведомственных тресту, сидела у приемников радиографов, передавая распоряжения во все концы Соединенных Штатов. Но сидеть в Питтсбурге, всего за 200 верст от этого проклятого Тауншира, и не знать, что в нем делается!!!

Вместе с началом стачки исчезли все культурные достижения XX века! Тауншир, город, выстроенный по последнему слову техники, превратился в какую-то дикую деревню! Все средства сообщения прерваны! Нет электрической энергии! Поезда не ходят! Этот идиот Ганновер молчит как дурак! Трест ежедневно терпит огромные убытки! Нет, мистер Гарвей положительно не может больше выносить

отсутствия сведений!

Мистер Гарвей сидел на патентованном диване в своем кабинете на тридцать пятом этаже питсбургского небоскреба, принадлежащего Центральному тресту, и негодовал. Но негодовать может всякий бездельник. Нужно посоветоваться с коллегами и выяснить истинное положение дел.

Протянуть белую, жирную, унизанную драгоценными камнями руку и нажать рычаг настольного радиодинамо было очень просто. Маленький, привинченный к столу аппарат наполнил комнату тихим жужжанием. Круглое выпуклое стеклышко над ним переливалось всеми цветами радуги. Член правления продолжал нажимать рычаг.

— Слушаю! — Аппарат перестал жужжать и покорно выбрасывал отрывистые, хриплые слова, в то время как в стеклянном кружке появилось яркое изображение худого, гладко выбритого лица. Гарвей соединился с нью-йоркским представителем Центрального треста.

— Мистер Пэн? — Прямо сидя перед аппаратом, Гарвей внушительно произносил каждое слово, строго глядя в стеклянное изображение, — говорю по поводу таунширской стачки. Город отрезан. Никаких известий. Газеты несут вздор. Ваше мнение по этому поводу?

Стеклянное изображение человека задвигалось.

— Но разве стачка не ликвидирована? Вы меня удивляете, мистер Гарвей. Полномочия, данные клану...

— Рабочие держатся. Повторяю — связи с городом нет!

— Ликвидируйте дело скорее. Но никаких уступок! Это подает вредный пример другим. Напрягите все силы...

Гарвей отпустил рычаг. Новое движение. Снова зашипел аппарат и в стеклянной поверхности выплыло новое изображение.

— Чикаго. Говорит плен правления Центрального треста Дэрби. Ах, это ты, Гарвей. Ну, как стачка?

— Никаких известий. Я уже связался с Пэном. Ганновер молчит. Ваше мнение, мистер Дэрби?

— Я тоже говорил с Пэном. Он, конечно, прав. Мы не можем уступить. Но заводы должны быть пущены. Дела треста шатаются. Попробуйте связаться с городом. Не жа-

лейте затрат...

Аппарат замолчал.

Гарвей откинулся на спинку дивана и нажал кнопку в стене. В комнату неслышными шагами вошел молодой человек, затянутый в черный фрак.

— Джерви, никаких известий?

— Никаких, сэр. Все таунширские приемники молчат. Я пробовал соединяться... Позвольте...

От стола, тесно установленного различными аппаратами, шел резкий звон. Секретарь подбежал к столу.

— Звонят по телефону, мистер Гарвей, по тому, который не употребляется нами два года. Слушаю. Да, кабинет мистера Гарвея... Говорит из Тауншира? Мистер Ганновер хочет говорить с вами, мистер Гарвей!

Было очень странно взять в руку старомодную тяжелую каучуковую трубку. Но член правления Гарвей сделал это даже немного слишком быстро для своего почтенного возраста. В трубке хрипел чей-то невнятный, придушенный голос.

— Мистер Гарвей. Да. Нет, не мистер Ганновер. Говорит председатель местного ку-клукс-клана. Ганновер болен — маленькое нервное потрясение. Да, да, первая попытка не удалась. Рабочие станут к станкам через три дня. Долго? Ничего не поделаешь, мистер! Да, понадобятся еще кое-какие затраты, тысяч до 20. Вы согласны? Будем держать с вами связь по этому аппарату. Единственный, который удалось пустить в ход своими силами. Гуд бай!

Член правления Гарвей бережно положил трубку на место. Он был доволен. Через три дня рабочие начнут работать. Это обещает сам ку-клукс-клан. За такое известие стоит приплатить даже 25 тысяч долларов!

Ку-клукс-клан наступает. Таинственные исчезновения

Это происходило вне Тауншира. А сам Тауншир, мертвый, лишенный движения и жизни, с темными, неосвещенными по вечерам улицами, жил в это время своей жизнью, странной и необыкновенной.

Обыватели-чиновники, мелкие торговцы, служащие магазинов и предприятий робко сидели по домам, не показываясь на улицу, в ожидании прежнего спокойного времени. Полиция бездействовала — рабочие вели себя спокойно и, несмотря на горячее желание полиции создать такой повод, повод для погромов не представлялся.

Тем не менее, чувствовалось, что скоро положение должно перемениться.

Началась вторая неделя стачки. Забастовщики голодали, но твердо стояли на своем. Члены Стаечного комитета вместе с Красновым из сил выбивались, чтобы поддержать настроение массы. Устраивались митинги, на которых выступали десятки рабочих, призывающих бороться до конца.

И тут-то ку-клукс-клан снова показал, на что он способен.

Во время одного из выступлений Цезаря Рэне, прекрасного оратора, стоящий у трибуны человек с криком: «Бей негритянских собак!» тремя выстрелами из револьвера убил его наповал и скрылся, отстреливаясь от нападающей толпы. В другой раз Краснов чуть не погиб под ударом кинжала, который в последний момент едва успел отвести стоявший рядом товарищ. Полиция тоже вела себя очень странно, комиссар, присутствовавший на всех митингах, пользовался каждым пустячным замечанием, чтобы лишить оратора слова. Один раз Петерсону едва удалось спас-

тись от ареста. Было решено устраивать митинги ночью, подальше от бдительных глаз полиции. Собрания переносились в разрушенные каменоломни, на плацы загородных гуляний, в окраинные парки и скверы.

Расходились очень поздно — иногда речи и прения затягивались до рассвета. Но именно с этого времени и начались самые таинственные происшествия..

Каждый оратор, который отличался чем-либо при своем выступлении, бесследно исчезал в ту же ночь. Первым пропал молодой рабочий-коммунист, произнесший большую агитационную речь на митинге в разрушенной камено-

ломне. Мать так и не дождалась его в эту ночь и во все последующие. Оратор исчез бесследно. Через два дня исчез другой — слесарь, тоже имевший шумный успех у слушателей, а на следующий день председатель Стачного комитета Петерсон обратился к собравшимся на митинге в загородном саду, призывая их к спокойствию и обещая найти причину странных исчезновений. На углу Чиплей-Стрит и Стрит-Отейль, — двух центральных городских улиц, — он попрощался с товарищами, провожавшими его после митинга.

Его квартира находилась в пяти шагах, за углом большого многоквартирного дома. Но Петерсон так и не дошел до нее. Он исчез бесследно, так же, как исчезали его предшественники...

Товарищ Краснов сидел в маленьком ресторанчике посреди пустой залы, уставленной четырехугольными столиками, и старался разрезать тупым ножом твердый, как подошва, бифштекс. Хлопнула дверь, и наборщик Питер Джемс, остановившись перед Красновым, задыхаясь, сообщил ему о новом исчезновении.

— Как? Петерсон? — вилка выпала из пальцев Краснова.

Джемс безнадежно опустился на стул рядом с Красновым.

— Да, он пропал. Мы расстались с ним у самых дверей его дома. Это было часа в четыре утра. И он пропал, пропал окончательно.

— Но, может быть, он еще придет, Питер? Сейчас полдень.

— Товарищ, он не придет. — Джемс судорожно схватил за руку вздрогнувшего Краснова. — Он не придет ни сегодня, ни завтра, никогда. Какие-то таинственные силы преследуют нас. Я — марксист, не верю ни в какую чертовщину, но это выше моего понимания. Рабочие больше не хотят бороться. До сих пор я не колебался, а теперь... Понимаете, я тоже начинаю бояться, Краснов!

— Питер, успокойтесь. Это снова штучки ку-клукс-клана, они хотят сломить забастовку. Но мы должны держать-

ся до конца. Эта стачка подаст пример рабочим всех Соединенных Штатов. Еще три дня, и трест должен будет пойти на наши условия.

— Рабочие голодают. Конечно, они могли бы продержаться еще неделю. Но эти страшные исчезновения!

Краснов встал.

— Слушайте, Джемс. Это дело нужно выяснить. Я займусь этим. Мы должны вступить в открытую борьбу. На сегодня назначены выборы нового комитета. После выборов я скажу несколько слов и предложу меры борьбы. И если это не поможет...

— Вы будете говорить, тов. Краснов? Но с вами повторится то же, что с другими. Вы исчезнете!

Краснов не отвечал. Он опустил руку в карман пальто и снова медленно вытащил ее. В свете заходящего солнца сверкнула синяя сталь восьмизарядного браунинга.

9

Охота за человеком

Ночь. Тьма. Узкие провалы переулков, освещенные малокровным светом наскоро приспособленных газовых фонарей. И снова тьма. Выстрел. И короткое свистящее дыхание затравленного человека.

Человек, нырнувший в густой мрак одного из переулков, на минуту приостановил изнуренный прихрамывающий бег и оглянулся. Никого. Человек облегченно перевел дыхание и переложил горячий браунинг из правой руки в левую. И вдруг чуть не вскрикнул от разочарования. В желтый круг дальнего фонаря вступали белые фигуры двух преследователей.

Это началось минут двадцать тому назад, но преследуемому казалось, что продолжается уже много часов. Началось с того, что Краснов выступил на митинге перед тысячной толпой с горячей энергичной речью. Он разоблачал капиталистов, ку-клукс-клан, говорил о том, что трест не продержится долго и должен будет пойти на уступки. Его речь произвела впечатление. Собрание долго не расходилось и постановило не сдаваться до последней возможности. Вышли группой в человек 20, но скоро Краснов отделился и пошел один кратчайшим путем к своей гостинице: по случаю забастовки трамвайные линии не работали. И тут-то началось преследование.

Когда Краснов подходил к Бермудскому мосту, от стены вдруг отделились две с головами закутанные в белое фигуры и неслышно двинулись к нему. Несмотря на свои закаленные нервы, Краснов вздрогнул от неожиданности и невольно отступил на темную мостовую. В то же время третья фигура хватала его за руки сзади. Сбоку подбегали еще два уродливых призрака.

Вырвать руку из цепких пальцев, дать сжатым кулаком по капюшону одному нападающему (Краснов услышал, как хрустнула челюсть падающего врага) и ударить головой под ложечку другого было делом шести секунд. Краснов повернулся и, ловким ударом ноги опрокинув еще одного нападающего, стремглав бросился вниз по улице. Но дело не ограничилось этим.

Со всех сторон — от углов, мимо которых он пробежал, из темных подъездов, от трамвайных будок — отовсюду отрывались молчаливые белые привидения, устремляясь вслед за ним. Если бы Краснов еще с детства не перестал верить во всякую религиозную чепуху, он мог бы умереть от суеверного ужаса.

Так началась эта погоня — вихрем летящий человек впереди и вереница белых безглазых фигур, несущихся вслед. Сначала Краснов думал, что все дело разрешится для него довольно безболезненно. Стоило добежать до первого полицейского поста и прибегнуть к защите закона. Это был единственный случай в жизни Краснова, когда он забыл, что

из себя представляет законность буржуазных стран. За эту забывчивость ему пришлось немедленно поплатиться.

Итак, когда он заметил невозмутимую статую рослого полисмена на одном из уличных углов и с криком бросился к ней, эта статуя решительно вынула револьвер и предложила ему не скандалить, а проходить своей дорогой. Преследователи уже нагоняли свою добычу. Крепко выругавшись, он бросился дальше, в то время как констебль начал спокойно раскуривать трубку. Ему было строго приказано не вмешиваться в дела такого рода.

Именно тогда Краснов почувствовал, до чего он беззащитен, и именно тогда решил прибегнуть к помощи оружия. Добежав до фонаря, он вдруг обернулся и выстрелил в самое лицо передовому преследователю. С воем — это был первый звук со стороны погони за все время преследования — тот упал. Остальные задержались на полминуты. Вы-

стрелив еще три раза, Краснов продолжал свой безумный бег...

Все это вспомнилось ему теперь, когда он, уже надеясь, что спасен, вдруг увидел, что его надежды напрасны. За первыми двумя показалось еще несколько других замаскированных — все они шли вперед и вперед, — безжалостные и неудержимые. В браунинге было еще три заряда. Краснов поднял руку.

В то же время сзади послышался легкий шорох. Мелькнуло что-то белое. Чьи-то пальцы сжали его горло и вырвали из рук револьвер. Кто-то сильно ударил его кулаком в лицо. Он закричал дико и хрипло — и лишился чувств.

10

Суд

Очнулся Краснов в очень странной и неудобной позе. Его тело было сжато в узком, темном пространстве между двух чужих горячих тел. По лицу текло что-то мокрое и солоноватое на вкус. Руки болели от стягивающих их тонких, крепко скрученных веревок. И сам он, и все окружающее легко тряслось и иногда подпрыгивало.

Внезапно толчки и колыханья прекратились. Одна из боковых стенок отскочила, впуская яркий электрический свет. В пленника сразу вцепилось несколько пар рук. Его вытащили из автомобиля к понесли, грубо встряхивая на поворотах.

Перед его залитыми кровью глазами мелькали сначала тяжелые, окованные медью створки дверей, затем бесконечные белые потолки, обитые кожей стены и старинная резная мебель. Потом державшие его руки разжались и он упал, больно стукнувшись о каменные плиты пола.

Он лежал посреди высокой, светлой комнаты. Вдоль одной из стен стоял длинный стол, покрытый черным сукном. У противоположной стены тянулось полукругом несколько рядов стульев. На каждом стуле сидела неподвижная фигура в длинном до пят белом халате и остроконечном белом колпаке, надвинутом до подбородка. Сквозь узкие белые прорезы в материи колпаков блестели десятки глаз, устремленных на лежащего на полу. За столом в глубоких креслах сидело 12 людей, заgrimированных, как и остальные. Перед одним из них, крайним слева, выступало несколько книг в черных и белых кожаных переплетах и большая чернильница с пером.

— Где я? — Краснов попытался встать, но веревки натянулись, и он со стоном опрокинулся навзничь.

Некоторое время все молчали. Первым заговорил сидящий в центре стола. Он говорил немного хриплым голосом, резко отчеканивая каждое слово.

— Во имя господа нашего Иисуса Христа, во имя Закона, во имя Справедливости судебное заседание великой таинственной ложи ку-клукс-клана объявляется открытым. Братья, именем Евангелия и заряженной винтовки клянитесь быть твердыми и беспристрастными!

Все присутствующие поднялись на ноги, трижды поднимая и опуская левую руку.

— Братья! Сегодня нами будет судим и наказан один из врагов нашей родины, великой федерации свободных штатов, безбожный большевик, развращающий тех, чье дело слушать и повиноваться. Вам известно, зачем основан могучий клан — союз настоящих американцев. Наша задача — борьба за правду, борьба за права честных людей, борьба против призрака красной опасности. В последние дни нами были справедливо осуждены три бунтовщика, восставшие против закона. Но вина сегодняшнего подсудимого еще больше. Он не удовольствовался тем, что погубил свою родину, он приехал сюда смущать и развращать наших рабочих. И еще одним углубляется его вина — при аресте он сопротивлялся и убил троих наших братьев! — Председатель помолчал несколько секунд и повернулся к краю стола — к человеку с толстыми книгами.

— Секретарь! Какое наказание за такие проступки предусматривает Великий Закон клана?

Спрашиваемый — высокий сутуловатый человек, вытянувшись над столом, заговорил визгливым, тонким голосом.

— Брат-председатель! Этот человек сопротивлялся и сеял зло. По 23 статье второго тома Великого Кодекса Клана, он подлежит смерти через сожжение.

Секретарь сел. По рядам пробежал тихий шепот и легкое движение. Снова заговорил председатель.

— Брат-секретарь сообщил нам, что говорит справедливость. Братья! Достоин ли обвиняемый такого наказания?

Все фигуры дважды медленно наклонили головы в знак согласил и одобрения.

Председатель обратился к Краснову:

— Обвиняемый. Приговор над тобой произнесен. Он будет исполнен в течение двенадцати часов. Что ты хочешь сказать в своем последнем слове?

— Комедианты! — Краснов задыхался и извивался на полу от бессильного бешенства. — Проклятая накипь буржуазного строя! Бросьте ваше идиотское шутовство! И знайте: вы убьете меня, но то, за что я борюсь, скоро уничтожит вас всех. Вы последние остатки буржуазного мира! Вы па-

даль!..

Ему не дали договорить. Несколько сидящих в первом ряду сразу бросились на него и обмотали его голову плотной белой тканью. Затем, схватив за ноги и за одежду, его потащили вон из комнаты.

11

Комната смерти

Некоторое время все сознание Краснова сосредоточивалось в одной острой, ранящей боли — его тащили по коридору и каждый толчок и поворот резким ударом отзывался в его истерзанном теле. Затем мучения прекратились — его оставили. Звякнул дверной замок и наступила полная тишина.

Перекидываясь с боку на бок, Краснов освободил, наконец, голову от обматывающей ее тряпки и осмотрелся. Он был в продолговатом каменном чулане, освещенном электричеством. В глубине находилось нечто вроде железного очага, обнесенного невысокой прямой решеткой. Над местом для дров в стену были вделаны две длинные цепи со стальными наручниками на концах. Под этим местом стена была сильно закопчена. Выше виднелись глубокие ссадины, похожие на следы от револьверных пуль. Краснов понял, что это был усовершенствованный средневековый костер для грешников — на этом костре предстояло сегодня умереть ему.

Ближе ко входу со стены свисало несколько простых цепей для приковывания пленников; напротив стоял широкий металлический стул с медным колпачком сверху и системой сложных проволок вокруг — электрическое кресло — излюбленное орудие американской казни. Это была комната пыток, последний этап для несчастных, попавших

в лапы ку-клукс-клана.

Краснов шевельнулся снова. Узлы веревок были связаны артистически — не представлялось никакой возможности развязать их. Да и стоит ли? Он слишком измучен. Нет, если он и не сможет выйти отсюда, все-таки это поможет ему спастись от ожидаемого рода смерти. Да, кроме того, он должен спастись — его ждут Стачечный комитет, тысячи рабочих. Он должен быть с ними до конца.

Краснову ясно вспомнились почти забытые происшествия и приключения, которыми была так богата его жизнь. Сколько раз его ловили в руки враги рабочего класса! Три раза во время гражданской войны в России его присуждали к расстрелу. Еще до этого, во времена царизма, сколько раз ему удавалось скрываться от рук полиции, обманывать бдительность тюремщиков! А приключения во время заграничной агитации! И все это он вытерпел во имя социальной революции — все эти голодовки, переодевания, погоня, ожидания смерти. Неужели теперь ему предстояло умереть в этой ловушке?

Пролежав несколько минут неподвижно (несмотря на режущие веревки, эти минуты казались ему прекрасными по сравнению с тем, что было раньше), — он приступил к делу.

Необходимо было изогнуться так, чтобы кисть правой руки дотянулась до каблука левого сапога. Кисть была свободна — веревка проходила выше. Зато ноги стягивались узлами у самых щиколоток. Нужно попробовать.

Это были сумасшедшие, невыносимые пять минут. Веревки, напрягшиеся до последней степени, жгли сильнее огня. В натянутых жилах стучал тяжелый, раскаленный молот. Руки и ноги сводило от напряжения. Но дотянуться было необходимо — от этого зависела свобода и, может быть, спасение огромного дела.

И Краснов дотянулся. Через целый ряд мучительных, невыносимых секунд его пальцы коснулись гладкого широкого каблука. Этого было достаточно. Теперь он знал, что спасется. Отвинтить каблук, отодвинуть крышечку крошечного тайничка, скрытого в нем, вынуть из этого тайничка

маленький складной ножик... Перерезанные веревки упали на пол. Тов. Краснов с трудом поднялся на ноги и, шатаясь, сделал по комнате несколько неверных шагов. Затем глаза заволокла черная завеса, и он, второй раз в этот день, потерял сознание.

12.

Бегство

Очень возможно, что член ку-клукс-клана и бывший член Стаечного комитета Дэв Уот, которому выпало на долю привести в исполнение приговор над пленным Красновым, предчувствовал, что в этот день с ним должно случиться нечто очень неприятное. Может быть, именно поэтому он задержал на полчаса выполнение возложенного на него дела. Очень вероятно также, что им руководили какие-либо другие соображения, — например, желание отомстить Краснову за несостоявшийся в Стаечном комитете взрыв — помучить его ожиданием предстоящей страшной смерти. Но, как бы то ни было, Дэв Уот все-таки опоздал на полчаса. Для Краснова же эти полчаса составляли очень многое. Он успел оправиться от обморока, размять онемелые, ноющие члены и теперь спокойно ждал прихода своих палачей.

Сколько их будет? — Хорошо, если один или два. Кое-как он приспособил разрезанные веревки, снова приняв вид связанного человека. В правой руке он сжимал самодельное, но довольно внушительное оружие — сложенную пополам пару ручных кандалов.

Щелкнул автоматический замок, и дверь широко зевнула своей беззубой четырехугольной пастью. Дверь оставалась открытой. Значит, придут еще. Краснов приготовился...

Дэв Уот был человеком решительным и не знающим колебаний. Да и какие могут быть колебания, когда твой враг лежит перед тобой связанный и беззащитный. Он быстро наклонился, метя сжатым кулаком в лицо лежащего. Но, кроме своих остальных хороших и плохих качеств, Уот обладал еще прекрасным зрением. В самый последний момент, уже опуская кулак, он увидел, что от прежних крепких пут пленника остались какие-то жалкие обрезки. Он отдернул руку, нащупывая другой рукой ручку револьвера в кармане балахона.

Поздно! Нога Краснова выпрямилась подобно стальному рычагу и, описав в воздухе короткую кривую, мягко вошла в живот вошедшего. Без звука Уот дернулся вперед, уткнувшись головой в шершавый каменный пол. А когда второй из исполнителей вошел в комнату, его недоумевающее, испуганное лицо, скрытое белой маской, наткнулось на неподвижное злое дуло револьвера.

— Этим вы должны были сковать меня? — таков был первый вопрос Краснова, когда палач, под угрозой револьвера, покорно вошел в комнату и запер за собой тяжелую дверь.

— Слышите, о чем я спрашиваю? Вы должны были заковать меня в эти цепи и развести надо мной огонь?

Палач испуганно мотнул головой.

— Хорошо. Возьмите вашего товарища. Да, совсем было забыл, сначала положите вот сюда ваше оружие. Так. Вы должны были расправиться со мной только вдвоем? Хорошо. Так вот, возьмите этого человека и закуйте его так, как заковали бы меня. Ну, я жду.

Краснов подкрепил свое приказание помахиванием двух револьверных дул.

— Так. Вы заперли замок? Бросьте ключ сюда. Теперь раздевайтесь. Ну, живо! Иначе я заставлю вас посидеть вот на том кресле, которое вы приготовили для своих пленников. Готово? Сложите одежду в угол! Положите на нее ключ от входной двери!

Палач быстро и покорно исполнял все приказания.

— Ну, вот. Теперь возьмите в углу вон те кандалы и наденьте себе на ноги. Прекрасно. Я заковываю вам руки. Очень хорошо. Не беспокойтесь, я не собираюсь сжигать ни вас, ни вашего товарища. Ну, а теперь я ухожу. У вас, наверно, есть какой-нибудь условный знак, по которому вас выпускают отсюда? Ну, говорите же, черт вас подери!

Произнося отрывистые, четкие фразы, Краснов имел возможность в то же время одеться в белый балахон и клобук, снятые палачом. Засунув в карманы по револьверу, он подходил к двери.

— Пропуск... «Смерть красным». По этим словам сторож выпустит вас, мистер.

— Гм... «Смерть красным».. Похоже на правду. Ну, да если вы врете, я вернусь и ухлопаю вас. Не врете? Ну, ладно.

Краснов вышел в коридор, тщательно притворив за собой дверь страшной комнаты, в которой вместо одного коммуниста, сидело двое закованных членов ку-клукс-клана. Затем пошел по ярко освещенным плитам. В конце коридора он задержался возле двери, из-за которой неслись голоса спорящих людей. Прислонившись к стене, сжимая по револьверу в каждой руке, он прослушал почти все совещание, происходящее за дверью. Затем осторожно прошел

дальше. Полусонный сторож, услышав условную фразу, с ворчаньем отворил входную дверь. Краснов вышел на улицу.

Несколько секунд он стоял неподвижно, внимательно изучая внешний вид здания. Затем повернулся и, подобрав полы белого халата, быстро побежал по темному безлюдному тротуару.

13

«Нужно действовать!»

— Товарищ Краснов? Вы? И в таком виде?

Питер Джемс, всю ночь просидевший над изучением второго тома «Капитала» и только к утру задремавший над большой раскрытой, книгой, был разбужен резким стуком в окно подвального этажа, комнату в котором он занимал. Он выбежал на огромный асфальтовый двор.

Двор со всех сторон замыкался серыми стенами уходящих в высь небоскребов. Над дверью одного из многочисленных подъездов мерцал желтый фонарь, немного рассеивающий предрассветный мрак, наполняющий узкий колодец двора. И в этом неверном, переливающимся свете Джемс увидел: возле окна его комнаты, опираясь плечами о стену, стоял с окровавленным лицом и в белом ку-клукс-кланском халате Краснов и пытался улыбнуться, держась одной рукой за выступ. Вот эта-то картина и заставила усталого Питера излиться в одном коротком, недоумевающем восклицании.

— Да, это я. Нашел вас почти случайно. Проведите меня к себе. Нас могут увидеть. Скорей!

Не говоря ни слова, Джемс повернулся, медленно прокладывая в темноте дорогу к своей каморке. Краснов сле-

довал за ним.

— Но что случилось, тов. Краснов? Почему вы в этом платье?

Войдя в комнату Джемс снова удивленно уставился на неожиданного посетителя.

— Меня поймали... Ку-клукс-клан... Не могу стоять на ногах. Всполюшил вашего сторожа, он наверное, думал, что я пришел убить вас. Важные новости...

Только неподвижно пролежав некоторое время и выпив хорошую порцию виски с горячей водой, Краснов мог продолжать говорить.

— Это целая история. Расскажу в другой раз. Спасся! Слушайте! — Краснов снова хлебнул из стакана.

— Если через два дня рабочие не станут к станкам, все наши требования будут исполнены целиком. Я подслушал разговор вожак. Ку-клукс-клану обещана огромная сумма, он напряжет все силы. Слушайте. Главное дело в квалифицированных рабочих. Чтобы пустить самые важные заводы, нужно не больше 3000 техников. Чернорабочих наберут, но механики...

— Но они не достанут механиков. Ни одни из наших не станет на работу.

— Слушайте. Вы знаете, что в некоторых городах есть специальные фабричные школы клана? В Чикаго послана радиограмма; завтра, то есть сегодня, сюда днем должны прибыть 3000 механиков — ку-клукс-кланцев. Будет пущен специальный поезд. Его нужно задержать. Мой аэроплан... Бегите и соберите 3000 надежных товарищей. Чтоб к утру все было готово. Я буду спать. Разбудите через три часа!

Краснов откинулся на подушку. Он спал.

Питер, схватив на ходу картуз и заперев дверь, быстро направился к центральному рабочему общежитию.

Через четыре часа несколько десятков грузовиков, наполненных рабочими, в разное время выехали из города — все в одном и том же направлении. И немного позже в другом направлении промчался старый потрепанный автомобиль с двумя седоками. Это Краснов и Джемс отправились в загородное местечко Нью-Тоун, туда, где в сарае одного

из фермеров был скрыт аэроплан, 10 дней тому назад привезший в Америку т. Краснова.

14

Самолет «Коминтерн»

Мотор работал без перебоев, пропеллер ровно загребал воздух, вздрагивающий корпус самолета блестел как новый, показывая, что в отсутствие хозяина за машиной смотрел чей-то заботливый, дружеский глаз.

— Готово. Контакт!

Двое держащих самолет отскочили в стороны. Пробежав несколько аршин по лужайке, небольшая распластанная машина, похожая на огромного, черного, с крыльями, расправленными для полета, жука, мягко отделилась от земли. Краснов правил. Джемс сидел рядом, бережно придерживая в ногах большой, плотно установленный ящик. Аэроплан косо шел вверх, мерно забирая все новые воздушные пространства.

— Правьте налево. Этот мост в трех часах езды от Тауншира. Они будут здесь через час.

Под ногами плывут черные, зеленые и желтые пятна полей и лесов. Они убегают вправо — сливаются вдаль в одну мутную сероватую поверхность. Вот вдаль показывается что-то новое — изогнутая черная полоска, пересекающая длинную блестящую серую полосу. Ближе. Ближе. Полосы растут, принимают ясные очертания. Это река с черным горбатым мостом, перекинутым через нее. Мост твердо высится над поблескивающей водой своими переплетенными стропилами, опирается на мощные каменные быки, уходящие в воду. Посреди серой, огороженной высокими оградами поверхности четыре блестящие, светлые линии — два ряда рельс. Аэроплан плавно планирует над молчаливым,

согнувшимся как бы в ожидании удара, мостом.

— Вы готовы, Джемс? Приготовьтесь!

Мост и река начинают бледнеть и уменьшаться. Аэроплан снова идет вверх. Джемс наклоняется. Теперь ящик у него в ногах открыт. Он вынимает два блестящих металлических предмета.

— Теперь пора, не промахнитесь!

Один из предметов скользнул вниз, образуя блестящий след в насторожившемся воздухе. Мимо. Очевидно, в воду. Мост все так же выжидательно горбился далеко под ногами.

— Слишком высоко, товарищ. Если бы пониже. Вот!

Вторая бомба достигла своей цели. Огромная, плотная громада моста вдруг вздрогнула и расцвела красно-серым пышным цветком. Цветок быстро рос вверх и в стороны. Аэроплан резко толкнуло. Когда же Краснову удалось выровнять почти опрокинувшиеся крылья и оба летчика снова наклонились вниз, на самой середине моста кривилась огромная развороченная дыра. Мост был испорчен. Нужна, по крайней мере, двухдневная работа для его починки.

— Поезд не пройдет. Они должны будут вернуться. Но как они поступят? Нам нужно знать! — голос Джемса, почти просительный, пел и рокотал в разговорной трубке.

Краснов кивнул головой.

Снова растут очертания внизу — спокойная река, искалеченный мост, деревья... Вниз! Земля вдруг рванулась вверх, непомерно вырастая в глазах. Мягко подпрыгивая на неровностях, самолет бежал под высокой железнодорожной насыпью. Дружным усилием машину оттащили в сторону в густые кусты. И вдруг замерли с руками, впившимися в обшивку крыльев: откуда-то издали неслись встревоженные, громкие голоса.

Летчики осторожно, ползком, поднялись до края насыпи и высунули головы. Совсем недалеко от них, у самого моста, по ту сторону его, стояли трое в форме железнодорожников. Они бурно жестикулировали, показывая на небо и на брешь у своих ног. Краснов приблизил свои губы к уху Джемса.

— Они видели нас, товарищ. Они будут искать аэроплан. Приготовьте оружие.

В руке Краснова блеснул длинный ствол черного кольта. Но железнодорожники, очевидно, еще не отважились на решительные действия. Они продолжали жестикулировать, не сходя с места. И вдруг воздух наполнил отдаленный, металлический, растущий шум. Серые полосы рельс начали мерно вздрагивать и гудеть, пропитываясь все увеличивающейся дрожью. Это приближался экспресс с штрейкбрехерами.

Железнодорожники оживились еще больше. Один из них вытащил красный флаг, укрепляя его на высоком древке. Другой готовил гудок для тревожных сигналов. Гул и рокот все росли и приближались. Воздух прорезал ряд сигнальных свистков. Краснов тронул за руку лежащего рядом Джемса.

— Питер, их предупредят. Нас ждут товарищи. Ползите за мной к самолету!

15

Как 3000 рабочих сделали ку-клукс-кланцами

А немного дальше по направлению к Таунширу, верстах в 10 от испорченного и развороченного моста, разыгрывалась другая сцена. Около большой узловой станции, с рядами вагонов на запасных линиях, с потухшими семафорами, со спящими паровозами в мрачном депо, собирались осторожные толпы людей, подъезжающих на грузовых автомобилях. Каждый из прибывающих держал под мышкой белый сверток. Во многих из них можно было узнать посетителей и участников ночных митингов в Тауншире — таунширских рабочих-забастовщиков.

Собираясь кучками, лежа на траве и шагая между деревьями, все они ждали чего-то.

А в то же время начальник станции — низенький старичек в форменной куртке — его помощник и три смотрителя путей собрались в дежурном помещении для делового совещания. Ждали еще заведующего путями. Этим ограничивался весь служебный состав станции — рабочие бастовали, а служащие-конторщики были на время забастовки распущены по домам.

В дверь раздался осторожный стук. Наверное, заведующий!

— Войдите!

Дверь распахнулась и в низкое помещение шагнуло трое людей в черных масках, держа на прицел большие грабительские револьверы.

— Руки вверх! — первый замаскированный приставил дуло своего револьвера к груди начальника, опустившего руку в карман...

Через пять минут все пятеро лежали связанные посреди комнаты. Сюда же внесли шестого — смотрителя путей. Двери дежурного помещения заперли. И началась работа.

Широкие ворота паровозного депо открылись. В паровозных котлах разводились пары. Несколько десятков умелых людей осматривали и сцепляли вагоны. А остальные занимались очень странным делом, — они развернули свои белые свертки и одевались в странного вида мантии и колпаки. Скоро необыкновенное переодевание кончилось. Вместо трех тысяч забастовщиков-рабочих вокруг готового поезда-экспресса сжималась огромная толпа мрачных субъектов в белом, с виду как две капли воды похожих на членов ку-клукс-клана — грозы американских городов.

Но поезд еще не отправлялся. Кого-то ждали. И эти ожидаемые не заставили проклинать свою медленность.

В сером облачном небе затрещал быстро приближающийся аэроплан. Еще несколько минут ожидания и Краснов с Джемсом выскочили из поникнувшего самолета, отстегивая кожаные шлемы и пожимая десятки протянутых к ним со всех сторон рук.

— Мост взорван, товарищи, поезд с штрейкбрехерами должен будет вернуться. А вы... ага! — взгляд Джемса с удовольствием скользнул по уже готовому двинуться в путь составу.

— Значит, вы едете. Смотрите, не забудьте, кого вы будете изображать! Ку-клукс-клан едва ли узнает о взрыве раньше завтрашнего дня. Некому известить. А наше дело нужно закончить сегодня. Ну, оль-райт.

Поезд нагруженный рабочими, одетыми в форму своих врагов, вздрогнул и двинулся по направлению к Таунширу.

7 часов вечера этого же дня были праздничным часом для таунширских капиталистов и членов местного ку-клукс-клана. Прибыла ожидаемая подмога — 3000 человек здоровых ребят, подъехавших на поезде к главной городской станции. Приступить к работе решено было утром, а сегодняшнюю ночь... Сегодняшнюю ночь нужно было использовать для совместного похода на местных бунтовщиков-рабочих, посмеявших доставить столько беспокойства своему хозяину-тресту. Нужно выбить из них проклятое бунтовщичество. Вожаки ку-клукс-клана потирали руки от удовольствия в ожидании ночных погромов.

16

Последний удар

— Алло, Джек!

— Алло, Дэв! Намнем мы сегодня бока проклятым рабочим? Как вы думаете на этот счет?

— Что же тут думать? Разве они посмеют сопротивляться? А посмеют — пуля в затылок.

— Ку-клукс-клан платит по 20 долларов за ночь. Говорят, трест дает еще 10.000 на это дело.

— Да и приезжие нам помогут. Здоровые ребята. Только вот молчат все. Ну, да чикагский ку-клукс-клан знает, кого посылать. Не поздоровится сегодня проклятым забастовщикам!

— Да здравствует Центральный трест!

— Да здравствует Великий Ку-клукс-клан!

Таковыми фразами обменивались белые замаскированные люди — члены местного клана, собираясь в двенадцать часов ночи к сборному пункту — скверу Пяти удушенных.

К двенадцати часам, все соприкасающиеся с ним улицы, сам сквер и площадь у сквера наполнились толпами людей в белых мантиях, с белыми масками на лицах, с электрическими карманными фонариками в руках, перебрасывающихся шутками и дружелюбными ругательствами. Оружия брать было не велено. Но у многих, особенно у приезжих, торчали из-под плащей палки и толстые короткие дубинки.

В половине первого вожак начал строить людей в колонны, по военному образцу. И тут-то началось замешательство. Рядовые-приезжие совершенно не желали подчиняться местным начальникам! Было даже очевидно, что они умышленно ищут ссоры! И нашли! Через пять минут все пространство, занятое замаскированными, превратилось в одно сплошное побоище, наполненное шумом ударов, стонами и проклятиями сотен людей. Полисмены спокойно стояли в стороне, наблюдая избивание гвардии капиталистов. Им ведь было строго приказано не вмешиваться в дела ку-клукс-клана!

Закончив уличное избивание, толпы победителей двинулись к таинственному штабу фашистов.

С дикими криками окружив дом, представляясь опьяневшими от драки и выкрикивая ругательства по адресу местного клана, загримированные рабочие вытащили из дома находившихся в нем, а сам дом подожгли, заложив в нем несколько динамитных патронов. Сам Краснов, по личному опыту знавший расположение дома, руководил разрушительной работой. У «комнаты смерти» был заложен

самый сильный патрон. Когда пожарная команда примчалась к месту пожара, она нашла только груды дымящихся развалин на месте мрачного каменного особняка.

А замаскированные рабочие, сильно помятые и избитые, но счастливые сознанием, что теперь забастовка не будет задушена, расходились по домам, снимая по дороге изорванную форму ку-клукс-клана.

**Столкновение двух групп ку-клукс-клана.
Уничтожена главная квартира клана. Трест
признал справедливость рабочих требований.**

Такие недоумевающие заметки появились через день во всех местных газетах, снова начавших выходить аккуратно. Трест согласился на все требования Стаечного комитета, и рабочие встали к станкам. Трест был побежден! Как далась рабочим эта победа, знают только сами эти рабочие, часто с удовольствием вспоминающие потасовку, заданную ими ку-клукс-клану. Да еще знает об этом т. Краснов — коммунист и член Коминтерна, на следующее же утро покинувший на своем аэроплане Тауншир.

Он полетел в другой город, в котором разгоралась новая стачка и где присутствие руководящего члена партии было необходимее, чем здесь.

ЧЕЛОВЕК В ЗЕЛЕНОМ ШАРФЕ

Поэма приключений

Н·О·В·О·С·Т·И
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

НИКОЛАЙ ПАНОВ
(Д.ТУМАННЫЙ)

ЧЕЛОВЕК
В
ЗЕЛЕНОМ ШАРФЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФЕДЕРАЦИЯ» //

« К Р У Г » //

ЖР

ВСТУПЛЕНИЕ

РАЗГОВОР С СОВРЕМЕННОМ

Автор

Не мечтами эфиромана
Созидается глубь романа,
Не в читальне и кабинете
Созидается поэмы глубь —
Стих куется в сыпном вагоне,
Стих куется в бреду погони,
В орудийном неверном свете,
На камнях, на полу, в углу!

Современник

Ну, а если. . .

Автор

Не нужно если!

Современник

Если быт Октября избыт,
Будем так же в пружинном кресле
Воспевать позабытый быт?
Если будет звенеть и петься
Про сверкающий взмах трапеций?

Автор

Для поэта довольно дела
Кроме пустозвонящих строф;
Первый день революций прожит,
Но внимаем растущей дрожи —
Это дышит седое тело
Притаившихся катастроф!
Видишь: мраком Берлин окутан?
Видишь: тонет в крови Калькутта?
Пробужденных миллионов руки
Подымаются ввысь уже —
Посмотри — сквозь моря и реки,
Сквозь газетных известий строки,
Сквозь рифмованных мыслей муки,
Прозреваю большой сюжет!
Я читаю статью в газете,
А из тины рутинных строк
Вырастают стальные сети
Убегающих вдаль дорог;
Там десятками молний вспорот
Виснет мрак. Создается город,
Утопают в бездонной выси
Освещенные этажи. —
Там театры, кафе, конторы,
Там покорно несут моторы
Розоватые блики лысин
И тройных подбородков жир!
А в провалах глухих предместий
Громыкает глухая весть —
— Вы готовы к борьбе и мести?
— Мы готовы — борьба и месть!
Это брат обретает брата,
Это в темную толщу толп,
Истерично кричит оратор,
Взгромоздясь на трехногий стол...

Современник

Этот город заразной сапа!
Этот город страшной чумы!
Это тот буржуазный запад,
На который молились мы!

Автор

Хватит. Чувства да будут немы
Пред лицом авантюрной темы —
Сердце творческий жар берет:
Я стою на краю поэмы,
Я стою на краю поэмы,
Я стою на краю поэмы,
И готовлюсь шагнуть вперед!

I

ЗАСЕДАНИЕ ВОЖДЕЙ

Попытайся, попробуй, смерть
Те места, где таится смерть —
Смерть таится в стальной тесьме,
Смерть таится в простом письме —
В громе боя, в азарте драк
Мы охотно встречаем смерть.
Но лишь сильный умеет сметь
Хладнокровно идти во мрак!
Взбег по лестнице. Дверь. Нажим.
— Кто стучится? — Товарищ Джим!
Этой двери судьбу доверь...
Дверь. Передняя. Снова дверь...
Утомленная тьма спала
Обернувшись в дрожащий круг
У мерцающего стола
С вереницей голов и рук.
Подошел. Наклонился. Сел.
Свет фонарный скользнул дрожа
По сомкнувшейся полосе,
По оружию и чертежам.
Колыхалось кольцо голов,
Шелестели обрывки слов:
— «Ты устал?» — «Не разину рта!»
— «Приготовил седьмой квартал!»
— «Был сегодня районах в ста!»
— «Целый город готов восстать!»
— «Все ли в сборе?» — «О'Кэрри пал,
Был застрелен, кончая речь!
Полисмены закрыли зал,
Но убийца успел утечь!»
...В сером блеске сверкнувших дул
Председатель откинул стул.

II

ДЖИМ ПОЛУЧАЕТ ЗАДАНИЕ

Как разросшееся растение,
Как оформленная скала,
Он качался широкой тенью
У мерцающего стола.
Говорил: — «Мы взнуздали массу!»
Говорил: — «Мы сильны. Пора
Передать рабочему классу
Государственный аппарат!
Из таких вот сырых каморок
Мы прольемся как серный дождь
На сверкающую Гоморру...
Но чтоб во время сдвинуть гору
Нужен опытный, смелый вождь.
Только знание ведет к победе!
Изученье. Расчет. Тренаж.
Я писал в Коминтерн. К нам едет
Тот, кто натиск направит наш!
Цепью сыщицких, цепких стай нас
Окружил проклятый режим!
Нужно встретить товарища тайно,
Одному. Ставлю Джима Фертайна.
Вы согласны?... Товарищ Джим!
У него из-под сумрачной кепки
Синих глаз раскаленный жар,
Подбородок, широкий и крепкий,
Окружает зеленый шарф.
Он сойдет на Восточном вокзале,
Где людьми и вещами сочась,
Весь перрон электричеством залит —
Под часами, в центральном зале
Он с тобой повстречается в час.
Так иди же, исполни задание.
Переходим к повестке. Без лишних фраз».

III

ФАШИСТЫ ДЕЙСТВУЮТ

Золотой циферблат на темнеющем здании
Отзвонил равномерно одиннадцать раз...
У подъездов скрываются длинные тени,
От витрины к витрине ползя и скользя...
Два часа! Два часа беспрестанных хождений!
И везде полисмены, и скрыться нельзя!
Даже стены склоняются хмуро и строго:
«Ровно в час... под часами... ладонью ко рту...»
— Человек! Газету! Порцию грога!
Джим в таверну вошел и снял картуз.
Джим, не пей, не пей! Не раз, не дважды,
Обожжет сожаленья расплавленный воск;
Этот огненный грог не уменьшит жажды,
Он залепит глаза, затуманит мозг.
Против яда не выстоит самый стойкий,
Ведь недаром белый порошок
Передал слуге джентльмен у стойки
И мигнул, а слуга сказал: «Хорошо!»:
Поздно! Пьешь! Все безжизненней, все сутулей
Припадаешь к листу печатных строк...
Ты проспишь на этом самом стуле,
Ты проспишь в таверне нужный срок!
За минутой минута... И в каждой столько
Человеческих чайний. В каждой — век...
Небольшая таверна. Грязный столик.
И за столиком спящий человек...

IV

ЧЕРНЫЙ АВТО

Бетон и стекло. Вещей воза.
Асфальт освещенных зал.
И крики звонков. И ламп глаза.
И толпы людей. Вокзал.
Сначала качала толпа. Перрон
Свернулся как белый плат.
Бросало по залам. И выпер он —
Нахмуренный циферблат!
Часы. Задержавшийся человек.
Он медлит. Он не спеша
Разгладил картуз на голове,
Расправил зеленый шарф.
Стоит. Следит глазами орла:
...Минута... еще... сейчас...
Тяжелая стрелка замерла
Рванулась — и пробил час!
Толпа проходила темнее сна
В цилиндрах, в пальто, в поту...
Один отделился. И подал знак,
Ладонь приложив ко рту.
— «За мной!» Зашагали. И в темноте
Под неба сырой тафтой,
Навстречу бесшумно скользнула тень
Приземистого авто.
Шагнули в кабинку. — «Готово?» — «Шпарь!»
Мелькнул и унесся сквер.
Посол засветил потайной фонарь
И вытащил револьвер.
— «Ты шутишь, товарищ?» — «Молчите, вы!»
Мотор уносился вдаль.
— «Шофер!» — «Бесполезно!» У головы
Блеснула пустая сталь.

— «Но вы?..» — «В преступлениях отчет нам дай
Посланник фашистов я!
Твой истинный спутник — Джим Фертайн,
В таверне — мертвецки пьян!
Вам завтра же наши нанесут
Последний удар в игре;
Тебя ж ожидает правый суд
И казнь за великий грех!»

ДЖИМ ПРОСЫПАЕТСЯ

Мостовые дрожат от моторов и ног,
Смотрят сотнями глаз этажи
Небоскребов. И свет проникает в окно
Кабачка, где потушены лампы давно,
Кабачка, где проснувшийся Джим.
На распухших глазах будто ржавый засов,
Мысли скачут безумно мчась.
Он вгляделся в глубь карманных часов,
Он вскочил: без минуты час!
Опоздал! До вокзала — двадцать минут,
Незнакомец уйдет с поста.
Не удержишь минут, не искупишь вину!
Отравлен! Опоздал!
К дверям. По скользкой мостовой
Сквозь гром, сквозь рев сирен
Бежать. Раздавят, — что с того!
— Оставьте, полисмен!
В коленях дрожь, в глазах рыжо,
В ушах — моторный шум.
Трамвай несущийся. Прыжок.
— «Вожатый, я спешу!»
— «Вожатый!» — дрожь засохших губ —
— «Поверь, вожатый, в то —
— Весь мир—на карте!» — «Не могу!»
Авто. Прыжок в авто.
— «Шофер, гони!» — шатнулся кэб,
Крутом звонки, огни...
— «Ты видишь деньги в кулаке?
Гони, шофер, гони!»
Мотор хрипит, кварталы ест,
Пронзают тьму глаза.
Вокзал. Приехали. Подъезд.

Асфальт блестящих зал.
Неужели? Не ошибка ль то?
Где часов нумерованный шар,
Он стоит в картузе и в широком пальто,
Он закутан в зеленый шарф!
Он глядит вперед, шарф рукой берет.
— Революция спасена!
Пусть звенит в ушах, Джим умерил шаг
И подал условный знак.

VI

В ЭТУ НОЧЬ

Не закутанный плащ и маска,
Не холодная сталь Дамаска,
Пролетарский удар верней
Заговоров минувших дней.
Пролетарская мощь верней
Сокрушавшего троны вала —
Чердаков и сырых подвалов
Многолетняя сила в ней.
В чердаках и в сырых подвалах
Миллионы людей таят
Черный флаг, на котором ало
Вышит лозунг: «Пролетариат».
Этот флаг развернется скоро!
Приказанье уже дано
Через весь многогранный город:
«Завтра ночью». А в эту ночь:
В эту ночь поднялась над всеми
Пятерня железной руки;
Начиняли гранаты семьи,
Дети смазывали курки.
И до самой работы ранней,
Точно полосы черной ржи,
Колыхались залы собраний
Боевых рабочих дружин!
...В эту ночь, нахально и грубо,
Телефонный гремел звонок,
Голоса хрипели из трубок
И сбивались курьеры с ног;
И начальник тайной охраны,
Рыхлый, будто бисквитный торт,
Принял поздно, вернее рано,
Комиссара фашистских орд.

— «Это верно?» — «Конечно, верно!
Этот заговор, — верьте, сэр, —
Создан силами Коминтерна,
Инспирирован СССР!»
— «Ах, оставьте! Не все ль равно чью
Чуем руку. Но если вихрь
Разразится вот этой ночью,
Мы не сможем рассеять их!
Сэр, поймите! Мы были б рады
Лишь двухдневной отсрочке. Да!
Негритянских стрелков отряды
Отовсюду спешат сюда!
Сэр, вы можете?» — «Безусловно!»
«Вы отсрочите бунт?» — «Уже!
Тратить незачем лишних слов нам
Об отсроченном мятеже!»
...В эту ночь в угрюмую залу,
Где винтовки и чертежи,
Незнакомца привез с вокзала
Возбужденный, усталый Джим...

VII

НОЖ В СПИНУ РЕВОЛЮЦИИ

Незнакомец сел посреди стола,
Окруженный ждущей толпой,
Он откинул зеленый мягкий шарф
С будто каменного лица,
Он сказал: — «Еще не упущен срок.
Восстание завтра в ночь?
Товарищи! Нужно задержать
На несколько дней удар!»
— «Отсрочка?» — Дыханье затаив
Сгрудились вокруг стола.
— «Отсрочка?» — И кто-то с лицом, как мел,
Протискивался вперед.
Приезжий вскочил на шаткий стол
И взмахнул бумагой в руке:
— «Товарищи, знайте! Так решил,
Приславший меня Коминтерн!
Капитал силен. Только общий взрыв
Сокрушит вековой нарост —
Через несколько дней в целом ряде стран...
Вам понятно? Пишите же приказ:
“Отложить на четыре дня!”»
Он стоял наклонившись, он смотрел
Как всплывали линии строк,
Как один за другим подходили вожди
И подписывали приказ,
И лиловый луч скользил по чертам
Будто каменного лица.
Тише! В темную дверь прогремел удар,
Отозвавшись во всех сердцах. —
— «Обыск? Пойманы?» В каждом кулаке
Засверкала серая сталь.

— «Джим, открой! Приготовьте динамит:
Я включу, если нужно, ток!»
... В хмуром зале кучка хмурых людей,
Малокровный фонарный свет
Освещает стол. А на столе
Тот, чей признак — зеленый шарф...
Дверь открылась. И в светлый круг шагнул
Покачнувшийся человек,
Человек в нахлобученном картузе
И широкий, мягкий, зеленый лоскут
Обвивает его лицо.

VIII

ЧЕЛОВЕК В ЗЕЛЕНОМ ШАРФЕ

Миг, и заряженный стержень
В каждой ладони поник.
Крик изумленья несдержан —
— «Черт? Привиденье? Двойник?
Кто же из вас настоящий,
Перерядившийся кто?
Этот — у двери стоящий,
Этот — вскочивший на стол?»
Ждали сурово и строго,
Гнет ожидания морил.
И человек у порога
Медленно заговорил:
— Сжалась когтистая лапа,
Плотно захлопнулся клапан,
Ружья как иглы ежа!
Я разворочал замок сам,
В грохоте выстрелов жегся,
Через мучительство бокса
Перешагнул — и бежал!
Я пробегал как жирафа,
Я пробирался как мышь
По проводам телеграфа,
По оконечностям крыш!
Тьма, надвигаясь, хватала,
В улицах был как в лесу,
Но пролетарским кварталам
Добрые вести несу!
Век голодovок и каторг
Кончился. Больше не жить им,
Капиталистам! И вот:
Этот субъект провокатор
Обезоружьте, свяжите

И охраняйте его!
Горе ищайкам и гончим!
Страх и сомнения прочь!
Мы начинаем и кончим
В эту, грядущую, ночь!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ОКОНЧАНИЕ РАЗГОВОРА

Современник

Строчка последняя спета,
Рассказ отгремел и сник...
Но ведь это не жизнь. Ведь это
Порождение газет и книг!
Где свободная мысль поэта?
Где лирические огни?
Ты рожден из туманной мглы был,
Рос в угаре глухих легенд
И берешься ворочать глыбы
Слабосильный интеллигент!
Понимаешь —меня бесили
Этажи фантастичных строк...

Автор

Неужели ж поэт бессилен
Предсказать неизбежный срок?
Беспристрастный, холодный автор,
Все бесстрастней и холодней
Я гляжу через двери «завтра»
На тяжелую поступь дней.
Сквозь разрез стихотворных ширм,
Сквозь веселье, пиры, уют,
Вижу гибель заплывших жиром;
Так бездействуют пассажиры
Окруженных водой кают!
Час ударит. Как стенки блюдца
Разлетятся борта. И вот

Над пирующими сольются
Волны вспененных революций,
Бесконечные толпы вод
А из черной бездонной дали
Засияет над морем рук,
Ослепительней жидкой стали,
Ярче солнц, что мирам блистали,
Пламенеющий красный круг.

Июль-август 1924 г.

Примечания

Все тексты публикуются по первоизданиям с исправлением очевидных опечаток и некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации. В оформлении обложки использован плакат В. Дени.

Черное золото

Публикуется по изд.: Туманный Д. Черное золото: Повесть. Л.: Рабочее изд-во «Прибой», 1925.

Американские фашисты

Публикуется по изд.: Туманный Д. Американские фашисты: Повесть с приключениями. [М.]: Земля и фабрика, 1924. – Обл. худ. А. Соколова.

Человек в зеленом шарфе

Публикуется по изд.: Панов Н. (Д. Туманный). Человек в зеленом шарфе: Вторая кн. стихов (1924 – 1927 год). [М.]: Федерация; Артель писателей «Круг», [1928].

ОБ АВТОРЕ

Николай Николаевич Панов, будущий «Дир Туманный», родился в 1903 г. в Козельске в семье податного инспектора. Окончил Московский институт журналистики (1922), факультет права МГУ (1928).

Дебютировал в литературе в 15-16 лет, в 1920-1922 гг. организовал группу презантистов, позднее входил в Литературный центр конструктивистов. В 1920-х гг. публиковался под псевдонимом «Дир Туманный».

Первой книгой Панова стал довольно яркий, но незрелый и отмеченный самыми разнообразными влияниями сборник «Московская Америка» (1924). За ним последовали сборники «Человек в зеленом шарфе» (1928) и «Враг своей тени» (1931).

Параллельно Панов работает и в прозе: его нишей как прозаика становятся главным образом «революционные приключения» в традиции «красного Пинкертона». Он публикует романы приключений «Дети Черного Дракона» (1925) и «Тайна старого дома» (1928), фантастический роман «Всадники ветра (Двойники)» (1925), повести «Американские фашисты» (1924) и «Черное золото» (1925).

Произведения Панова отличались достаточной правотоверностью. Как указывала в 1939 г. «Литературная энциклопедия», писатель «изображает подпольную работу русских большевиков («Тайна старого дома»), деятельность иностранных компартий, крепну-

щих в борьбе с империалистической реакцией, рост революционного сознания в Америке, Китае (“Дети черного дракона” и др.), разоблачает происки классового врага на советских предприятиях (“Черное золото”).

Опыты в фантастике Панов продолжил в рассказе «Юбилей доктора Фрайса» (1930) и в ряде стихотворений о «будущей Москве» («В будущей Москве», «Путешествие в Москву», 1934-7). В тридцатых годах были изданы стихотворные сборники «Ночь влюбленных: Поэмы» (1934), «Новеллы» (1935), «Стихи и новеллы» (1937), поэма «Командир танка» (1937), «Избранное: Стихи, новеллы, поэмы» (1940).

В 1941-1943 гг. Панов был военным корреспондентом, возглавлял литературный отдел газеты Северного флота «Краснофлотец», участвовал в боевых походах кораблей Северного флота.

С тех пор Панов выступал в основном как писатель-маринист и автор книг о военных морях. Опубликовал книги «Боцман с “Тумана”» (1948), «Страстное желание» (1952), «Колокола громкого боя» (1959), «В океане» (1957), «Повесть о двух кораблях» (1957), «Орлы капитана Людова» (1963), два сборника избранных стихотворений и поэм (1956, 1964) и др.

Скончался в 1973 г.

Оглавление

Черное золото	5
Американские фашисты	59
Человек в зеленом шарфе	105
П р и м е ч а н и я	124
Об авторе	125

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.